

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА**

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

МАГИСТРАТУРА

Магистерская программа «Корпоративное право»

Выпускная квалификационная работа

**«Информирование участников и кредиторов корпорации
при ее реорганизации и ликвидации»**

Дзыза Александр Александрович

Научный руководитель:

к.ю.н., доцент

Маковская Александра Александровна

Рецензент:

к.ю.н., заслуженный юрист РФ

Медведева Татьяна Михайловна

Дата защиты: «___» _____ 2026 г.

Оценка: _____

Работа представлена на кафедру «___» _____ 2026 г.

Работа загружена в ЭБС «___» _____ 2026 г.

Москва

2026 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Юридическое значение информации и обладания ею в праве вообще, частном и корпоративном праве	12
§ 1. Природа информации и понятие о ней в доктрине и позитивном праве	12
§ 2. Корпоративные правоотношения и информация	42
Глава II. Некоторые вопросы способов защиты прав и законных интересов участников и кредиторов корпорации при реорганизации и ликвидации	56
§ 1. Защита участников корпорации при реорганизации и ликвидации	56
§ 2. Защита кредиторов корпорации при реорганизации и ликвидации	74
Глава III. Информация как элемент защиты прав и законных интересов участников и кредиторов корпорации при реорганизации и ликвидации	86
§ 1. Информационный обмен при реорганизации и ликвидации	86
§ 2. Проблемы содержания информации при реорганизации и ликвидации	90
§ 3. Информирование как юридический факт при реорганизации и ликвидации	104
§ 4. Информирование как общая гарантия и конституирующий фактор	112
Заключение	123
Список использованной литературы	126

ВВЕДЕНИЕ

Установление в гражданском законодательстве особого порядка проведения таких процедур как реорганизация и ликвидация продиктовано «экстремальностью» данных явлений с точки зрения защиты прав и законных интересов участников и кредиторов корпорации. Данная характеристика обусловлена тем наблюдением, что их совершение оставляет неизгладимый отпечаток в имущественной сфере всех вовлеченных субъектов постольку, поскольку затрагивает существо соответствующих ранее возникших правоотношений. При всей фундаментальности последствий совершения указанных процедур вовлеченным субъектам приходится принимать связанные с ними решения в условиях невозможности сопоставить последствия их совершения с тем состоянием, в котором корпорация и ее имущественное положение оказались бы, если все же процедура реорганизации или ликвидации не проводилась.

Иными словами, повышение или понижение степени риска ненадлежащей реализации прав или удовлетворения законных интересов вовлеченные субъекты вынуждены оценивать в условиях информационной неопределенности. Участники и кредиторы корпорации при этом совсем необязательно имеют юридическую возможность получения такого рода сведений о ее деятельности, на основе которых в принципе потенциально возможно составить приближенное к действительности представление о будущем имущественной сферы корпорации; хотя обладание такими сведениями, по идее, является необходимым условием возможности принятия осознанных решений по поводу процедуры реорганизации или ликвидации либо в их процессе для цели защиты прав и законных интересов вовлеченных субъектов.

Современное российское регулирование предоставления информации при проведении реорганизации или ликвидации не умаляет существование подобных рисков, как это будет продемонстрировано далее в

соответствующем месте. В этом отношении отечественный правовой порядок отличается более слабой защитой прав и законных интересов участников и кредиторов корпорации по сравнению с тем регулированием, что принято на наднациональном европейском уровне и в национальных правовых порядках государств-членов Европейского союза. Тамашнее регулирование предусматривает, в частности, наличие специальных институтов и процедур при реорганизации корпорации, которые существуют непосредственно для того, чтобы создать необходимые условия для формирования у участников и кредиторов корпорации наиболее верного представления о перспективных экономических, имущественных и юридических последствиях реорганизации.

Недостаточность сведений при реорганизации и ликвидации может быть с некоторой точки зрения восприниматься в качестве естественного и закономерного явления относительно самой корпоративной организационно-правовой формы и принципов корпоративного права. Между тем, если в отношении ординарных решений данное обстоятельство действительно может восприниматься справедливым, то в ситуации «экстремальных» («судьбоносных») решений такое положение дел не может восприниматься в той же мере справедливым. В рамках проведения или принятия решения о проведении реорганизации или ликвидации повышается вероятность обострения конфликтов интересов, когда более информированная сторона может воспользоваться существующей информационной асимметрией для удовлетворения собственных интересов в ущерб интересам тех сторон, что оказываются в положении меньшей осведомленности; хотя в обычной ситуации существования корпоративных правоотношений такое положение дел, как уже было отмечено выше, может восприниматься как существующее по объективным причинам и политико-правовым соображениям. При этом реализация способов защиты прав и законных интересов также поставлена в зависимости от степени обладания достаточными, адекватными, корректными, понятными и своевременными сведениями о происходящей реорганизации или ликвидации, а также о причинах и оценках принятого решения об их

осуществлении, о возможности и порядке реализации способов защиты, предусмотренных в законодательстве.

Поэтому порядок надлежащего информирования участников и кредиторов корпорации при ее реорганизации и ликвидации оказывается одной из ключевых проблем рассматриваемых институтов, поскольку именно от его регулирования будет зависеть степень защищенности вовлеченных субъектов и достижение тех идеалов добра и справедливости, которым призвана служить юриспруденция.

Рассмотрение обозначенной проблематики приводит к необходимости также поставить более общий вопрос о функциях и назначении информации вообще в корпоративном праве и при анализе корпоративных правоотношений. Поэтому представляется, что исследование вопросов информирования при реорганизации и ликвидации невозможно без предварительного определения места информации в праве в целом, особенно при учете происходящей цифровизации всей полноты общественных отношений, следствием чего является появления новых способов хозяйственного использования информацией и общее увеличение ее объема в рамках общественных взаимодействий нарождающейся социальной формации.

В литературе по темам реорганизации и ликвидации юридических лиц часто встречаются разделы, посвященные вопросам информирования участников и кредиторов корпорации, которые сводятся к пусть достаточно пространному, но все же именно комментариям статьям 60 и 62 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту – «Гражданский кодекс РФ»), а также некоторого иного связанного законодательства и возможным способам усовершенствования данных положений; что, разумеется, не умаляет ценность таких исследований. Например, работы А.В. Габова¹,

¹ Габов А.В. Теория и практика реорганизации (правовой аспект). М.: Статут, 2014. 879 с.

Д.В. Жданова², Е.П. Дивера³ и Я.С. Кошелева⁴. Между тем, наиболее существенной с концептуальности точки зрения возможно признать фундаментальную диссертацию профессора А.А. Кузнецова⁵. В рамках самостоятельного раздела названный автор, на основе рассмотрения обширных положений из доктрины и позитивного права ряда европейских правовых порядков, представляет наиболее всестороннее на сегодняшний день исследование вопроса информирования при реорганизации корпорации. Аналогичного уровня работ по ликвидации корпораций на сегодняшний день в российской библиографии – нет. Между тем, приведенные профессором А.А. Кузнецовым положения могут и должны быть подвергнуты дополнительному анализу, поскольку представляют собой скорее некоторое собрание фактического и юридического материала, из которого именно возможно сформулировать юридические доктрины о стандарте информирования участников и кредиторов корпорации при ее реорганизации; а также использовать соответствующие выводы *mutatis mutandis* применительно к информированию при ликвидации корпорации.

Таким образом, **целью исследования** является формирование комплексного представления о юридических категориях «информирования» и «информация» в контексте множества их возможных проявлений в корпоративном праве с точки зрения защиты прав и законных интересов участников и кредиторов корпорации при ее реорганизации и ликвидации.

Задачи исследования детерминированы поставленной целью:

1. Исследовать понятие «информация» как значимой с юридической точки зрения категории в различных ее проявлениях в гражданском праве;

² Жданов Д.В. Реорганизация акционерных обществ в Российской Федерации: диссертация на соискание ученой степени к.ю.н. М., 2001. 150 с.

³ Дивер Е.П. Правовое регулирование реорганизации коммерческих организаций: диссертация на соискание ученой степени к.ю.н. М., 2002. 242 с.

⁴ Кошелев Я.С. Гражданско-правовые аспекты реорганизации акционерных обществ: диссертация на соискание ученой степени к.ю.н. Краснодар, 2012. 224 с.

⁵ Кузнецов А.А. Реорганизация хозяйственных обществ: гражданско-правовые способы защиты прав и интересов участников и кредиторов: диссертация на соискание ученой степени д.ю.н. М., 2022. 345 с.

2. Рассмотреть отдельные явления корпоративного права через представления о категории «информация» в гражданских правоотношениях;

3. Определить значение информации в контексте защиты прав и законных интересов участников корпорации при ее реорганизации и ликвидации;

4. Определить значение информации в контексте защиты прав и законных интересов кредиторов корпорации при ее реорганизации и ликвидации;

5. Обобщить вышеприведенные решения для достижения цели исследования и сформулировать возможный стандарт надлежащего информирования участников и кредиторов корпорации при ее реорганизации и ликвидации.

Структура исследования обусловлена поставленной целью исследования и вышеприведенными задачами; состоит из трех глав, разделенных суммарно на восемь параграфов; а также содержит настоящее введение и заключение.

Первый параграф призван представить в той мере, в которой позволяет жанр выпускной квалификационной работы, обоснованную доктрину значимых для юриспруденции проявлений информации и того положения, которое она занимает в гражданских правоотношениях, понимаемых в качестве формы информационного взаимодействия между индивидами. Первый параграф носит методологический характер и является в достаточной мере обоснованным новым результатом автора. Доктринальные выводы данного параграфа используются повсеместно на протяжении всего настоящего исследования. Второй параграф выполняет роль терминологического перехода от методологии первого параграфа к рассмотрению наиболее конкретных юридических преломлений сформулированной доктрины. Глава вторая целиком служит решению задачи по определению места гарантии предоставления информации среди способов защиты прав и законных интересов участников и кредиторов корпорации при ее реорганизации и ликвидации. Выводы главы второй определяют соответствующий порядок рассмотрения информирования при реорганизации

и ликвидации корпорации в главе третьей. Сама же третья глава представляет собой кульминацию ранее представленных рассуждений об информации в праве вообще, частном и корпоративном праве, ее влияния на динамику правоотношений и значения для надлежащей реализации способов защиты прав и законных интересов участников и кредиторов корпорации.

Каждый параграф первой и второй главы сопровождается выводами, а также отдельным выделением наиболее значимых концепций, используемых далее при рассуждении. Выводы по главе третьей представлены в заключении.

В работе использовались общепринятые методы проведения теоретических исследований по социальным наукам, в том числе по праву. Использовались компаративистский и междисциплинарный методы. Некоторые рассуждения основаны на методологии инструментального подхода к регулированию гражданских правоотношений. При формулировании классификаций использовался метод формализации. Также повсеместно применялись иные классические методы теоретических исследований такие как анализ, синтез и абстрагирование.

Объектом исследования являются общественные отношения, связанные с защитой прав и законных интересов участников и кредиторов корпорации по российскому праву (главным образом, хозяйственных обществ) при проведении ее реорганизации или ликвидации в контексте значимых для юриспруденции проявлений категории «информация». **Предметом исследования** выступили, в первую очередь, соответствующие положения Гражданского кодекса РФ, а также Федерального закона «Об акционерных обществах» (далее по тексту – «Закон об АО») и Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее по тексту – «Закон об ООО»).

По итогам проведенного исследования, разрешения поставленных задач и достижения цели – следующие положения выносятся на публичную защиту:

1. Для правопорядка «информация» приобретает юридическое значение, по меньшей мере, в трех основных проявлениях: во-первых, как онтологическое и конституирующее основание общественного взаимодействия и правоотношения; во-вторых, как возможный объект гражданских правоотношений, в том случае, если такого рода информация способна к самостоятельной объективизации и имеет имущественное значение; в-третьих, как обстоятельство, приводящее к динамике правоотношений, когда с обладанием либо необладанием определенной информацией закон связывает наступление гражданско-правовых последствий;

2. Базовые корпоративные правоотношения (отношения участия) возможно рассматривать как последовательные формализованные акты информационного обмена между участниками и корпорацией. В этом контексте информационные права участников могут быть признаны содержанием базовых корпоративных правоотношений. При этом информационный обмен между корпорацией и ее участниками обеспечивает соответствующую степень «связности» последнего с первым и возможность реализации иных правомочий участников. По этой причине информационные права не должны признаваться второстепенными явлениями, но их следует, напротив, признавать фундаментальным основанием существования самой по себе корпоративной организационно-правовой формы;

3. Информирование участников и кредиторов корпорации при реорганизации и ликвидации не должно рассматриваться в качестве технической или формальной процедуры, но ее необходимо рассматривать в качестве общей гарантии защиты прав и законных интересов участников и кредиторов в условиях существования информационной асимметрии между различными группами вовлеченных в эти процедуры субъектов;

4. В контексте защиты прав и законных интересов участников и кредиторов отличительной особенностью реорганизации оказывается то, что

именно данная процедура приводит к наибольшим потенциальным конфликтам интересов на фоне информационной асимметрии. В отличие от ликвидации, которую, напротив, возможно характеризовать как менее конфликтную процедуру в силу того, что она предполагает намного более прогнозируемый юридический и экономический результат и предоставляет меньше возможностей реализации потенциального конфликта интересов на фоне существующей информационной асимметрии;

5. Действующее российское законодательство и актуальная практика судов не содержит сформированного стандарта надлежащего содержания информации, предоставляемой при реорганизации корпорации. Существующий юридический материал связан с регулированием направления самого уведомления, но никаким образом не указывает на необходимый объем и степень детализации сведений, предоставляемых в рамках проведения данных процедур, которые бы позволили заинтересованным лицам составить обоснованное представление о последствиях принятия решения о реорганизации или ликвидации и осознано применить при необходимости предоставленные способы защиты прав и законных интересов;

6. Стандарт надлежащего и добросовестного информирования участников и кредиторов корпорации при реорганизации и ликвидации должен определяться с точки зрения пригодности предоставляемых сведений для цели реализации соответствующих способов защиты прав и законных интересов. По отношению к кредиторам корпорации стандарт определяется принципами функциональной достаточности, доступности и реальности восприятия, определенности и критерием соразмерности предоставляемых сведений риску умаления прав и законных интересов кредитора при учете баланса его интересов и интересов корпорации. Применительно к участнику корпорации такие сведения должны предоставлять объяснительную полноту, обуславливать возможность осознанного волеизъявления при в определенной степени патерналистическом стремлении убедить участников в необходимости реализовывать свои корпоративные права таким образом,

чтобы было достигнуто наиболее выгодное и справедливое положение как для участников, так и для корпорации в рамках принятия решения о проведении реорганизации или ликвидации либо в процессе осуществления данных процедур, что означает, в том числе необходимость обеспечить доступную форму содержания соответствующих сведений; порядок их предоставления должен при этом основываться на принципе пропорциональности объема их предоставления тому объему корпоративного участия, что принадлежит конкретному участнику. Также стандарт предполагает установление общего запрета злоупотребления положением более осведомленной стороны в условиях информационной асимметрии.

ГЛАВА I. ЮРИДИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ И ОБЛАДАНИЯ ЕЮ В ПРАВЕ ВООБЩЕ, ЧАСТНОМ И КОРПОРАТИВНОМ ПРАВЕ

§ 1. Природа информации и понятие о ней в доктрине и позитивном праве

Взаимодействия конституируют окружающую действительность. Материя существует и удерживается в привычном упорядоченном виде по причине того, что между физическими объектами на различных масштабах и уровнях энергии действуют фундаментальные взаимодействия⁶. Данные явления могли бы быть описаны посредством обыденных формул вроде «одно тело действует на другое» или через указание на некое «взаимное влияние тел»; однако подобные описания, очевидно, являются предельно неконкретными, оттого не имеющими какой-либо онтологической ценности при формулировании концептуальных представлений об устройстве как физической, так и социальной действительности, в том числе, правовой действительности. Принципиально важным в этом контексте являются теоретические построения и экспериментальные подтверждения того факта, что всякое взаимодействие, по всей видимости, представляет собой процесс обмена. Например, кварки удерживаются вместе и формируют этим протоны и нейтроны в ядре атома благодаря так называемому «сильному» взаимодействию, которое является в действительности обменом элементарными частицами (глюонами)⁷.

Принимая в качестве основания для дальнейшего рассуждения следующую концепцию: действительность конституируется взаимодействиями, а они в свою очередь являются обменом чем-либо между

⁶ Gaillard M.K., Grannis P.D., Sciulli F.J. The Standard Model of Particle Physics // *Reviews of Modern Physics*. 1999. № 2 (71). P. 96.

⁷ В рамках современной физической картины мира экспериментально подтвержденным считается существование элементарных частиц-переносчиков трех из четырех фундаментальных взаимодействий, а именно: сильного, слабого и электромагнитного. Именно обмен соответствующими частицами-переносчиками представляет собой указанные взаимодействия. Исключением остается гравитационное взаимодействие, элементарная частица-переносчик которого (называемая гравитоном) сохраняет статус теоретического построения и до настоящего времени не получила экспериментального подтверждения своего существования. Ibid., P. 97.

взаимодействующими объектами – покажем, что эта мысль является истинной не только для материального мира, но и *mutatis mutandis* для мира социального. Покажем также, что данная мысль имеет конкретную доктринальную пользу и объяснительный потенциал.

Пожалуй, излишне обосновывать, что человеческое общество складывается из взаимодействий индивидов и «социальные» явления начинаются именно тогда, когда живые организмы не существуют изолировано друг от друга, но вступают во взаимодействия, предполагающие по определению некоторый обмен. Также известно, что в обществоведческих науках распространение получила позиция, согласно которой общественное отношение надлежит рассматривать в качестве экземпляра идеального мира, обособленного от фактических действий субъекта⁸, поскольку считается, что подобные действия *ipso facto* не должны признаваться социальными актами; хотя при этом их совершение, бесспорно, может находить свое идеальное отражение в смысле оценки как социально-значимого действия, в том числе значимого правопорядку⁹. Тогда под социальным взаимодействием будем понимать далее обмен между именно теми субъектами, которые способны порождать, выражать и воспринимать экземпляры идеального мира. Насколько это принято в современной академической философии и научном картине мира, подобными свойствами обладает лишь человеческое сознание¹⁰.

⁸ Одним из оснований данной точки зрения может служить определение «социальному действию», которое было дано профессором М. Вебером: «социальным мы называем такое действие, которое по предполагаемому смыслу соотносится с действиями других людей и ориентируется на него» (цит. по: Вебер М. Основные социологические понятия // Западно-европейская социология XIX-начала XX веком. М., 1996. С. 455). Тем самым социальная реальность может быть описана не через совокупность действия как таковых, а через их смысловое соотношение и интерпретацию, что дает возможность развивать тезис о социальных отношениях, как идеальных построениях.

⁹ К указанному тезису непосредственно подводит профессор Г. Кельзен, который указывал, что «поведение, предусмотренное нормой как должное (т.е. содержание нормы), можно сопоставить с фактическим поведением и заключить, что оно соответствует либо не соответствует норме (т.е. содержанию нормы)» (цит. по: Кельзен Г. Чистое учение о праве / пер. с немецкого языка М.В. Антонова и С.В. Лезова. СПб, 2015. С. 16). Таким образом, норма существует как идеальная конструкция, которая соотносится с «фактическим», но не тождественна ему.

¹⁰ О статусе интенциональных объектов как существующих лишь в пределах сознания см.: Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб., 2004. С. 375-376. В указанном фрагменте подчеркивается, что объект в интенциональном смысле существует как коррелят акта сознания и не обладает самостоятельным бытием вне него. Тем самым идеальные образования, к которым относятся нормы, значения и иные смысловые конструкции, могут быть поняты лишь как феномены, конституируемые сознанием человека.

В качестве предмета обмена при таком социальном взаимодействии тогда необходимо предъявить то, что может быть при определенной интеллектуальной деятельности индивида сообщено вовне и воспринято другим индивидом, то есть может быть перенесено в сознание и быть им осмысленно, тем самым оказывая влияние на «картину» идеального мира. Под такое описание подходит все то, что обыденно называют сообщением, сведением или неким выражением смысла. Эти примеры будем в первом приближении обозначать словом «информация», имея в виду предмет социального взаимодействия, обмена между индивидами, посредством которого непосредственно порождаются социальные отношения.

Вышеприведенные рассуждения приводят к необходимости рассматривать общественные отношения вообще и их подмножество, то есть правоотношения¹¹, в качестве структурированной формы информационного обмена, выступающего сущностью социального взаимодействия как такового¹². Данный подход близок в некоторой степени к коммуникативной школе права, которая рассматривает правопорядок через анализ социальной коммуникации, а правовые нормы тогда признаются результатом этого взаимодействия¹³. При этом следует подчеркнуть, что в классических работах сторонников коммуникативной концепции категория «информация», хотя и рассматривается в качестве элемента коммуникации, но не приобретает

¹¹ О таком соотношении понятий «общественное отношение» и «правоотношение» см., например: Иоффе О.С. Правоотношение по советскому гражданскому праву // Избранные труды по гражданскому праву: из истории цивилистической мысли, гражданское правоотношение, критика теории «хозяйственного права». М., 2009. С. 512; Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М., 2008. С. 12; Белов В.А. Гражданское право в 2 т. М., 2024. Т. 1 С. 139.

¹² Следует отметить, что предлагаемое здесь понимание концептуально созвучно с рядом междисциплинарных подходов, в частности теории эволюции культурных смыслов профессора Р. Докинза, в рамках которой возможно описать социальные процессы как распространение и воспроизводство элементарных единиц информации; тогда социальная действительность оказывается следствием непрерывного информационного обмена, а информация необходимым посредником социального взаимодействия. См.: Dawkins R. The Selfish Gene. Oxford, 1976.

¹³ Так А.В. Поляков, описывая право как преимущественно коммуникативную систему, указывает следующее: «право можно описать как многомерную коммуникативную систему, самоорганизующуюся социальную реальность, в которой все элементы связаны между собой, и отсутствие хотя бы одного из них разрушает сам феномен права» (Поляков А.В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. СПб., 2004. С. 238); также любопытно обратиться к теоретическим построениям Н.Н. Алексеева, центральным элементом которых является представление о праве как о духовном и смысловом воплощении связей между субъектами (Алексеев Н.Н. Основы философии права. СПб., 1999. С. 14).

характер первостепенного юридически-значимого явления при попытке построения правовой доктрины¹⁴. В рамках настоящего исследования первой задачей выступает, напротив, формализация юридически-значимых проявлений информации в качестве структурного элемента правоотношений.

Представленный приблизительный очерк понятия «информация» в целом согласуется с определением, приведенным в статье 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» № 149-ФЗ от 27.07.2006 (далее по тексту – «Закон об информации»), согласно которому под информацией понимаются сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления. Между тем приведенное законодательное определение носит описательный и технический характер и не раскрывает категорию «информация» в смысле социального явления, выступающего сущностью самих общественных отношений; во всяком случае, акцент нормативного определения явно смещен в описательно-техническую сторону. Напротив, попытка обозреть информацию в качестве предмета социального обмена позволит рассматривать правоотношения, включая корпоративные и «квазикорпоративные»¹⁵ отношения, в качестве внешних наблюдаемых проявлений информационного взаимодействия, что предопределяет фундаментальность вопроса о содержании информации и процедурах, которые опосредуют такой информационный обмен.

Таким образом, общественные отношения и правоотношения оказываются неразрывно связанными с формами информационного обмена настолько, что вся история человеческой цивилизации возможно описать¹⁶ с

¹⁴ См., например: Поляков, указ. соч. С. 617-620; Алексеев, указ. соч. С. 24-26.

¹⁵ Под «квазикорпоративные» отношениями понимаются такие, которые не основаны непосредственно на праве участия в корпорации, но которые при этом могут воспроизводить отдельные элементы корпоративных отношений и информационного взаимодействия.

¹⁶ Так, в зарубежной литературе получила распространение концепция профессора И. Фанга, который рассмотрел историю человеческой коммуникации как последовательность шести информационных революций, положив в основание их выделения народившиеся социогуманитарные изменения, которые связаны со структурой общества в целом, степенью его демократичности и равенства между людьми в нем, доступности знаний и содержанием образования. Fang I. A History of Mass Communication: Six Information Revolutions. New York, 2016. P. xvi-xvii.

позиции рассмотрения изменений способов и скорости передачи информации и возможности при этом осуществлять контроль валидности переданного, то есть гарантии корректности передачи сообщения (аутентичности) и потенциальной полноты ее восприятия, иными словами соответствие ее самой себе в акте передаче и акте восприятия.

В этой связи необходимо обратить внимание на следующие обстоятельства.

Во-первых, информационный обмен является вездесущим и обязательным свойством любого отношения, в том числе правоотношения; уже было замечено в отечественной литературе, что именно им, в частности, «характеризуется весь гражданский оборот» постольку, поскольку «информация является неотъемлемым свойством любых отношений, составляющих предмет гражданского-правового регулирования»¹⁷. По этому поводу хрестоматийно изречение, приписываемое банкиру Натану Ротшильду, которое профессор Д.В. Ломакин крайне удачно переложил в смысловую плоскость корпоративного права следующим образом: «тот, кто владеет информацией об акционерном обществе, владеет и самим обществом»¹⁸. Между тем именно эта фундаментальность подводит к проблеме однозначной правовой квалификации информации: она оказывается как бы «везде» и в основании любых социальных процессов, что лишает подобное обобщенное понимание какой-либо прикладной ценности для права. Поэтому при исследовании понятия «информация» в доктрине и позитивном праве важной задачей является попытка сформулировать систему разновидностей информации с точки зрения их места и значения в юридической реальности при конкретном выделении общих родовых особенностей ее проявлений (*ипостасей*).

¹⁷ Соломин С.К., Соломина Н.Г. Юридические факты и иные жизненные обстоятельства: цивилистический очерк: монография. М., 2022. С. 110.

¹⁸ Ломакин Д.В. Право акционера на информацию: изменения подхода законодателя // Юридический вестник Самарского университета. Том 4, № 3. 2018. С. 32.

Во-вторых, на сегодняшний день невозможно рассматривать информацию и информационные взаимодействия (а значит и все социальные взаимодействия) без учета происходящих изменений в экономической и технологической конъюнктуре, в том числе актуального процесса цифровизации экономики при становлении информационного общества. Данные наблюдаемые изменения укладываются в общую историческую логику развития, согласно которой подобные переходные моменты представляются в качестве информационных революций, которые обусловлены революциями промышленными и научно-техническими¹⁹. Как нынешний, так и все прежние такие переходные периоды характеризовались изменениями хозяйственного и технологического уклада, что в свою очередь приводило к изменению не только с точки зрения содержания обмениваемой информации, но и с точки зрения самой формы процесса информационного взаимодействия (обмена).

Так, по поводу нарождающихся перемен профессор В.А. Вайпан указывает, что ныне «происходит сущностная трансформация правового регулирования», которая обусловлена тем обстоятельством, что «зарождающиеся инновационные производственные отношения, основанные на цифровых технологиях, требуют адекватного изменения в правовом регулировании»²⁰.

Данное наблюдение находит свое прямое выражение также в специальной литературе по корпоративному праву.

Например, профессор И.С. Шиткина при исследовании порядка проведения общих собраний участников хозяйственных обществ в дистанционной форме указывает следующее: «цифровизация экономики, развитие и повсеместное распространение дистанционных технологий,

¹⁹ Информационные технологии в юридической деятельности (правовая информатика в цифровую эпоху): учебное пособие / под ред. В.А. Вайпана. М., 2025. Ч. 2. С. 21-23; Инновационная юриспруденция: учебник / отв. ред. В.В. Блажеев, М.В. Мажорина. М., 2025. С. 15.

²⁰ Вайпан В.А. Цифровое право: истоки, понятие и место в правовой системе // Право и экономика. № 1, 2024. С. 8.

способствующих упрощению коммуникации между людьми, находящимися в одно время в разных местах», закономерно приводит к обсуждению изменений в корпоративном управлении, в данном случае форм проведения общих собраний, поскольку «существовавшие ранее формы «...» не отвечают всем потребностям бизнес-сообщества»²¹.

В специальной литературе по корпоративному праву можно также найти указание на общую необходимость «в сочетании с достижениями современных технологий быстрой передачи данных на дальние расстояния «...» подойти к совершенствованию правового регулирования деятельности коммерческих корпоративных юридических лиц, повышению эффективности их управления»²².

Учитывая принципиальную значимость фактора трансформации правового регулирования при переходе к цифровой экономике, обусловленного развитием технологий и закономерными изменениями форм информационного обмена, на что было указано выше, дальнейший анализ понятия о информации в доктрине и позитивном праве необходимо предварить кратким очерком развития форм информационного обмена. Потребность этого обусловлена, во-первых, желанием определить место нарождающихся актуальных изменений в общем контексте, а, во-вторых, стремлением сформулировать в рамках настоящего исследования объяснительную концепцию наблюдаемых изменений правового регулирования, в том числе, корпоративных правоотношений, а также подвести рассуждение к итоговому выводу о возможном направлении совершенствования регулирования предмета настоящего исследования. Далее

²¹ Шиткина И.С., Севеева К.В. Дистанционные общие собрания участников хозяйственных обществ: эффективность новелл российского законодательства // Вестник арбитражной практики. № 3, 2022. С. 3.

²² Зяблицкий А.В. Современные технологии в контексте правового регулирования общих собраний хозяйственных обществ // Современное корпоративное право: времен связующая нить: сборник статей / сост. и отв. ред. д-р юрид. наук, проф. И. С. Шиткина. М., 2024. С. 384.

предпримем попытку методологического рассуждения в контексте информационных революций²³.

В качестве первой информационной революции необходимо признавать, по всей видимости, появление человеческого языка. В тот архаический период взаимодействия по своей форме сводились к непосредственному разговору между людьми²⁴, поэтому возможность и скорость передачи информации определялись перемещением самого же субъекта. Между тем, архаичность давала уникальное преимущество, а именно существовала полная возможность валидации передачи, поскольку валидность переданного непосредственно следовала из самой формы передачи, в которой субъект и его сообщение совпадали в акте присутствия. Следует напомнить, что под валидацией в настоящем исследовании понимается не только подтверждение подлинности источника передачи, но и принципиальная гарантия корректной доставки информации во время информационного обмена, неискаженного и полного ее восприятия принимающим субъектом. Благодаря этому информацию оказывалась как бы неразрывно связанной с сознанием передающего субъекта; благодаря устной формы объективизации воспринималась при этом напрямую. Таким образом, передающий субъект был непосредственно включен в процесс коммуникации: само его естество становилось неотъемлемой частью акта передачи информации; поэтому будем называть такую форму информационного обмена – *«лицом к лицу»*.

Вторая информационная революция связана с зарождением письменности. Тогда стало возможным передавать информацию независимо от перемещения самого субъекта и независимо от времени его жизни. Подобная форма передачи информации требует включения в коммуникацию дополнительного субъекта или объекта, выступающего посредником,

²³ В отличие от рассуждения профессора И. Фанга (Fang, Ibid), нам представляется необходимым построить акцент на вопросе изменения способов и скорости передачи информации при обязательном учете вопроса контроля за сохранением валидности переданной информации. По этой причине далее приводится авторская концепция истории развития человеческой коммуникации для цели и в контексте настоящего исследования.

²⁴ Об этом см. подробнее: Кассирер Э. Философия символических форм. СПб., 2001. С. 114-115, 224–225.

отражающим переданное сообщение. Вследствие этого утрачивается архаическое единство субъекта и его сообщения, единство передачи и восприятия информации. Закономерно возникает проблема валидации информации. Вновь обратим внимание, что в данном контексте под валидностью понимается не истинность содержания, а гарантия корректности передачи сообщения и потенциальной полноты ее восприятия, иными словами, соответствие информации самой себе в акте передачи и в акте восприятия (то есть аутентичности). В этом связи профессор П.У. Кузнецов справедливо указывает по поводу субъекта-посредника, что при обработке информации он, вероятно, может «создавать искаженные ее образы»²⁵, поскольку таковы общеизвестные особенности человеческого восприятия. По поводу же объектов-посредником возможно сказать аналогичное: поскольку материальный носитель подвержен деградации, потенциально невозможно гарантировать сохранность отраженного на нем сообщения; к тому же ограничивается акт передачи информации: невозможно моментально уточнить сообщение или передавать невербально тонкости содержания, то есть выразить сведения во всей их полноте.

Появление телеграфной и телефонной связи, а после развития радиосвязи (соответственно, третья и четвертая информационная революции) обеспечило возможность моментального информационного обмена, ограниченного вначале проложенными проводами, а впоследствии лишь скоростью распространения электромагнитной волны. Этим коммуникация вновь приобретала отдельные черты архаичной формы передачи *«лицом к лицу»*, но при этом, в отличие от эпохи первой информационной революции, передача информации не ограничивалась пространственными и временными рамками. Однако принципиально важно, что все также сохранялся риск фальсификации информации, вплоть до риска подмены информационного субъекта. Преодоление этой финальной проблемы требовало привлечение

²⁵ Информационные технологии в юридической деятельности: учебник для бакалавров / под. ред. П.У. Кузнецов. М., 2013. С. 45-46.

нефальсифицируемого валидатора, контролирующего информационный обмен, не ограничивая достигнутую скорость коммуникации. Возникновение такого валидатора стало возможным благодаря росту доступных вычислительных мощностей и развитию методов компьютерной криптографии: валидацию переданной информации теперь осуществляют формализованные и детерминированные алгоритмы, развернутые на серверной инфраструктуре, обеспечивая непрерывный и надежный контроль целостности, подлинности и недопустимости фальсификации передаваемых данных в приемлемой степени.

Таким образом, пятая информационная революция состоит в следующем: информационный обмен возвращается к взаимодействию *«лицом к лицу»*, однако при этом физического присутствия субъектов в одном реальном месте не требуется: информация передается практически моментально, а применяемые алгоритмы дают должную гарантию в корректности такой передачи и подлинности взаимодействующих субъектов. История человеческой коммуникации словно замкнула круг, вернувшись к изначальной форме информационного обмена, но обеспеченного преимуществами современного уровня развития науки и техники.

Выше уже приводилась мысль А.В. Зяблицкого о необходимости изменения правового регулирования корпоративного управления в свете «достижений современных технологий быстрой передачи данных на дальние расстояния»²⁶. Между тем, как было показано во время третьей и четвертой информационной революции также существовала возможность практически мгновенной передачи информации, но схожих предложений о радикальном изменении корпоративного управления вряд ли можно было представить до времен пятой информационной революции. Таким образом, на основе вышеприведенного исторического обзора необходимо дополнить мысль А.В. Зяблицкого указанием на то, что речь идет не о самой по себе скорости

²⁶ Зяблицкий, там же.

передачи информации, а о возможности одновременно контролировать ее валидность (аутентичность). Сделанное уточнение обладает объяснительным потенциалом, в том числе, применительно к принятому в отечественном законодательстве регулированию проведения общих собраний участников хозяйственных обществ в дистанционной форме. Соответствующие законодательные новеллы поэтому можно использовать в качестве конкретного и корректного методологического примера.

Вследствие неблагоприятной эпидемиологической обстановки, вызванной распространением коронавирусной инфекции, на фоне действий ограничений на осуществление массовых скоплений людей, перед российскими хозяйственными обществами возникла проблема соблюдения законодательных требований о проведении годовых (очередных) собраний участников. Проведение собраний без физического присутствия путем заочного голосования не соответствовало бы действующему законодательному регулированию хотя бы по той причине, что ряд вопросов годовых (очередных) общих собраний согласно прямому указанию закона не могут быть приняты путем лишь заочного голосования, например, по вопросу утверждения годового отчета и годовой бухгалтерской (финансовой) отчетности общества (пункт 2 статьи 50 Закона об АО; пункт 3 статьи 38 Закона об ООО). В этой связи оказалось справедливым замечание М.В. Воронин, что после преодоления последствий коронавирусной инфекции следовало ожидать «нового – постковидного, периода развития цифровизации» управления²⁷.

На тот момент решением послужило приостановление действия указанных ограничений заочного голосования первоначально до конца 2022 года²⁸. Такое решение очевидно могло носить лишь временный характер, однако сохранялась реальная потребность бизнес-сообщества в подобной форме проведения общих собраний участников, при которой допускалось

²⁷ В.В. Блажеев, М.В. Мажорина (отв. ред.), указ. соч. С. 256-257

²⁸ Шиткина, Севеева, указ. соч. С. 5.

решение всей полноты вопросов повестки дня, но без необходимости физического присутствия в одном месте и при возможности полной реализации прав и защиты интересов участников. Осознавая эту потребность в контексте развития науки и техники, законодатель попытался сконструировать подобную форму проведения общего собрания участников, которая получила обозначение как «дистанционная»²⁹.

Для этой цели законом от 28 июня 2021 года³⁰ были внесены изменения в статью 181.2 Гражданского кодекса РФ. Ими была предусмотрена возможность для членов гражданско-правовых сообществ участвовать в заседаниях ее членов в дистанционной форме. Важны указанные в законе условия допустимости этого, а именно, что должны быть созданы условия, которые позволяют, во-первых, достоверно установить лицо, которое принимает участие в заседании, во-вторых, участвовать такому лицу в обсуждении вопросов повестки дня и, в-третьих, голосовать по вопросам повестки дня. Данные условия воплощают суть пятой информационной революции: возможности передавать информацию в форме *«лицом к лицу»* без физического присутствия при условии контроля валидности (аутентичности) переданной информации и непосредственного включения субъекта в акт информационного обмена.

Последующий закон от 8 августа 2024 года³¹ внес изменения в положения законодательства о хозяйственных обществах, которыми дистанционная форма проведения общего собрания участников оказалась приравнена к традиционной форме заседания, предполагающего совместное физическое присутствие участников в заранее определенном месте. Обе формы признаются законом разновидностями очного собрания участников в форме

²⁹ Шиткина, Севеева, указ. соч. С. 6.

³⁰ Федеральный закон «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» № 225-ФЗ от 28 июня 2021 года // СПС КонсультантПлюс.

³¹ Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» № 287-ФЗ от 08 августа 2024 года // СПС КонсультантПлюс.

заседания (пункт 3 статьи 47 и пункт 1 статьи 49.1 Закона об АО; абзац 2 пункта 1 статьи 32 и пункт 1 статьи 37.1 Закона об ООО).

При этом указанные разновидности все также обособляются в одинаковой степени от собраний путем заочного голосования: как уже отмечалось выше, законом не допускается принятие решений путем заочного голосования по ряду вопросов повестки дня годового (очередного) общего собрания участников (пункт 2 статьи 50 Закона об АО; пункт 3 статьи 38 Закона об ООО); в отношении же дистанционной формы отсутствуют подобные ограничения, даже если в уставе общества будет закреплено, что дистанционное заседание проводится без определения физического места проведения, в котором могли бы присутствовать при желании участники вместо дистанционного подключения (см. абзац 2 пункта 1 статьи 49.1 Закона об АО, пункт 2 статьи 37.1 Закона об ООО).

Таким образом, рассмотренные изменения правового регулирования корпоративного управления и установленные требования к проведению дистанционных собраний соответствуют вышеописанной парадигме пятой информационной революции и обусловлены именно ее свойствами: физическое и дистанционное присутствие являются равнозначными формами взаимодействия, представляющими социальную коммуникацию *«лицом к лицу»*. В этом смысле развитие информационного обмена напрямую преломляется в отношении форм корпоративного управления, причем вопросы организации проведения общих собраний участников в этом случае являются лишь частным примером.

Также необходимо заметить, что аналогичным образом может быть описана трансформация государственного управления; однако это выходит за пределы предмета настоящего исследования и в целом данный вопрос уже получает серьезное осмысление в доктрине цифрового (информационного) права, тогда как вопросы значения информации для частного права в рамках

данной отрасли, как правило, не рассматриваются³², в связи с чем обращение к ним представляется особенно важным для цивилистического исследования категории информации.

Изменение форм информационного обмена, цифровизация всей полноты общественных отношений вслед за развитием технологий в перспективе приведет к существенной трансформации иных классических явлений корпоративного права, привычных форм организационно-правового оформления юридического лица и инструментария правового обеспечения корпоративного управления³³. Не имея возможности подробно рассматривать данный вопрос в рамках настоящего исследования, укажем в качестве иллюстрации на феномен децентрализованной автономной организации (далее по тексту – «ДАО»), специфика внутренней структуры которой потенциально позволяет снизить негативное влияние так называемой «агентской проблемы», которая является имманентной потребности существования представительских органов корпоративного управления³⁴.

Исследованные выше положения связаны с рассмотрением информации как того, что непосредственно составляет сущность общественных отношений вообще и правоотношений в частности, иными словами, информация выступает как бы структурным основанием существования таких отношений. Такое юридически-значимое проявление информации далее будем называть «*онтологическим*» и понимаю под ним информацию в ее онтологическом значении для права как того, чем обуславливается сама возможность социального взаимодействия, существования правовых отношений и самого права. Для юридической доктрины изучения данного проявления информации имеет насущное значение и требует аналитического осмысления по следующей причине: изменение в возможных формах обмена информацией (коммуникативного взаимодействия) приводит к трансформации правового

³² В.А. Вайпан (ред.), указ. соч. С. 116-140; С.Е. Прокофьева (отв. ред.), указ. соч. С. 252-254.

³³ Корпоративное право: учебный курс: в 6 томах / отв. ред. И.С. Шиткина. 2-ое изд. М., 2025. Том VI. С. 172.

³⁴ Wulf A. Kaal. Decentralized Autonomous Organizations – Internal Governance and External Legal Design // University of St. Thomas School of Law (Minnesota) Legal Studies Research Paper Series. № 20-14. 2020. P. 246.

регулирования, поскольку последнее выступает регуляторной надстройкой над базисными отношениями, которыми являются не столько экономические отношения, сколько, на более низком уровне абстракции, информационные взаимодействия³⁵. Примером такого проявления информации в значимом для корпоративного права виде служат приведенные выше положение, связанное с регулированием корпоративного управления в отношении форм проведения общих собраний участников хозяйственных обществ.

Если продолжить рассматривать информацию с точки зрения философских оснований, представленных в начале настоящего параграфа, то необходимо заметить, что информация как квант социального взаимодействия может существовать не только в рамках непосредственного акта ее обмена, но и также обособляться от акта коммуникации. Она способна сохраняться в человеческом сознании для последующего взаимодействия, а также фиксироваться на материальном носителе, в том числе в агрегированном виде как результат множества предшествующих коммуникативных актов.

В качестве иллюстрации рассмотрим следующую гипотетическую ситуацию. Поставщик и заказчик вступили в информационный обмен с целью согласовать условия поставки товара, после чего соответствующие сведения зафиксировали в первичных учетных документах (договорах и накладных). Далее эти сведения были агрегированы и в итоге отражены в бухгалтерской (финансовой) отчетности организации. В таком случае, хотя информация все также взялась не из вакуума, а из социального взаимодействия, в итоговой форме она не выступает как элемент непосредственного обмена между конкретными лицами, но приобретает самостоятельную значимость в качестве обособленных сведений, существующих независимо от первоначальных актов

³⁵ При решении вопроса о соотношении рассматриваемых явлений в качестве «базиса» или «надстройки» в рамках правового регулирования представляется верным следующее рассуждение для полноты картины: технический прогресс задает возможные способы коммуникации и информационного обмена; далее сложившиеся формы информационного обмена, в совокупности с доступными технологиями иного рода, обуславливают характер хозяйственных и экономических отношений в целом, порождают фактические социальные отношения, которые, как следствие, представляются необходимыми для регулирования посредством правового инструментария.

коммуникации и способных быть предметом отдельных актов предоставления. Данная иллюстрация наводит на необходимость рассмотреть информацию в качестве объекта отношений.

Данное проявление информации будем называть далее *«объектным»*, то есть проявлением, при котором информация рассматривается в качестве объекта гражданских правоотношений.

В доктрине существует неоднозначность по поводу возможности признания за информацией качества объекта гражданских прав и по поводу определения правового режима, который должен быть применен к информации в случае, если она будет признана в соответствующем качестве³⁶. Предмет данной дискуссии в современной отечественной доктрине ведется, по известным историческим причинам, вокруг исследования положений статьи 128 Гражданского кодекса РФ³⁷. Первоначальная редакция статьи 128 содержала в перечне поименованных объектов гражданских прав «информацию», однако по результатам принятия Вводного закона к четвертой части Гражданского кодекса РФ (2006 год)³⁸ информация была исключена из данного перечня. Комментируя данное изменение, профессор П.В. Крашенинников указывал, что причиной исключения послужило представление о всеобщем значении информации³⁹, на что уже было обращено внимание выше; в силу этого представляется бессмысленным именовать информацию в нормативном качестве как отдельного объекта гражданских прав, особенно учитывая закрепления категории интеллектуальных прав в перечне статьи 128 Гражданского кодекса РФ. Так, по мнению профессора В.В. Кресса информация выступает в качестве содержательного наполнения результатов интеллектуальной деятельности или некоторых нематериальных

³⁶ См.: Пучков В.О. Информация – объект гражданского права? // Арбитражные споры. № 2, 2020. С. 136-137; Кресс В.В. Информация как объект гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. № 5, 2024. С. 32-33.

³⁷ См: Объекты гражданских прав: Постатейный комментарий к главам 6, 7 и 8 Гражданского кодекса Российской Федерации / под ред. П.В. Крашенинникова. М., 2009. С. 6; Кресс, указ. соч. С. 32.

³⁸ Федеральный закон «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» от 18 декабря 2006 № 231-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

³⁹ Крашенинников (ред.), указ. соч. С. 7.

благ⁴⁰. Важной в этой связи представляется позиция А.Г. Тухватулиной, которая приходит к выводу, что информация все же «нередко выступает объектом правоотношения, однако не всегда – самостоятельным объектом гражданских прав, зачастую она является сопровождающим объектом, наряду с основным»⁴¹; вместе с тем необходимо заметить, что указанный автор сводит «сопровождающий» характер информации фактически к признанию ее постоянного присутствия в составе иных объектов или определенных процедур, что низводит «объект» до фоновой иллюстрации; при таком формате информации не приобретает обособленного значения и закономерно невозможно в строгом смысле говорить о ней в качестве объекта гражданских прав, несмотря на то, что автор указывает на обратное⁴². Однако в целом кажется справедливым скорее именно вывод А.Г. Тухватулиной.

Вполне классическим является представление, выраженное профессором О.С. Иоффе, который признавал в качестве объекта гражданских прав «все по поводу чего может складываться правоотношение»⁴³. Несмотря на некоторую критику частных его позиций, связанную с соотношением понятий вещь и объект⁴⁴, данное определение и ныне не требует дополнений или изменений, а является непреложной максимой частного права. Дополнить следовало бы лишь тем, что, как справедливо указывают на это профессор Н.В. Козлова и профессор С.Ю. Филиппова, принадлежность качества объекта зависит от того признано ли данное фактическое явление допустимым с точки зрения правопорядка⁴⁵. В этом аспекте понятие объекта гражданских прав оказывается симметрично другому фундаментальному цивилистическому

⁴⁰ Кресс, указ. соч. С. 36.

⁴¹ Тухватулина А.Г. Информация как объект гражданских прав // Вестник молодых ученых и специалистов Самарского университета. № 2, 2020. С. 250.

⁴² Например, автор приводит обязанность продавца предоставить информацию о товаре (ст. 495 ГК РФ) и право участников корпорации получать информацию о деятельности корпорации (ст. 65.2 ГК РФ), однако в обоих случаях информация анализируется как элемент соответствующего обязательственного или корпоративного отношения, а не как самостоятельный объект гражданских прав (Тухватулина, указ. соч. С. 249).

⁴³ Иоффе, указ. соч. С. 81.

⁴⁴ Профессор Ю.К. Толстой критиковал позицию профессора О.С. Иоффе по причине того, что полагал доктрина не рассматривает вещи как объект гражданских прав в надлежащей им степени (см. подробнее: Толстой Ю.К. К теории правоотношений. Л., 1959. С. 61).

⁴⁵ Козлова Н.В., Филиппова С.Ю. Объекты гражданских прав: основы авторской концепции. М., 2025. С. 32.

понятию – субъекту гражданских прав, который также приобретает юридическое значение лишь постольку, поскольку он признан в данном качестве правом порядком⁴⁶.

В этом случае при исследовании вопроса о правовом значении информации как объекта гражданских прав необходимо ответить на следующий вопрос: могут ли правоотношения складываться именно по поводу нее самой? Отрицательный ответ на данный вопрос должен быть дан в том случае, если информация рассматривается как нечто, что выступает «сопровождающим» объектом по отношению к «основным» объектам, либо как составляющая иных объектов, поименованных в статье 128 Гражданского кодекса РФ, поскольку по существу речь в таком случае будет идти об информации не в объектом проявлении, но в ее онтологическом проявлении, которое было также рассмотрено выше. В таком случае окажутся справедливыми выводы профессора П.В. Крашенинникова и профессора В.В. Кресса о том, что информация не может рассматриваться в качестве самостоятельного объекта гражданских прав, поскольку при такому ее понимании она действительно присутствует повсеместно – всегда, везде и всюду в общественных отношениях.

Однако, не все попытки представить информацию в качестве составляющей иных поименованных объектов гражданских прав предоставляются удачными.

Например, профессор И.Л. Бачило предлагает рассматривать информацию в рамках вещно-правового режима⁴⁷. Однако данный подход не может быть признан обоснованным, поскольку информация не соответствует признакам вещи по ее определению: она не имеет материального характера, не

⁴⁶ Дювернуа Н.Л. Из курса лекций по гражданскому праву: введение и часть общая (лица). СПб., 1889. С. 261; Дзыза А.А. Подходы к правовому регулированию и возможные толкования реорганизации юридического лица: опыт России и Великобритании // Правовой журнал «Президент» (President Law Journal). 2022. № 2. С. 21-22.

⁴⁷ Бачило И.Л. О праве собственности на информацию // Труды Института законодательства и сравнительного правоведения. № 52, 1992. С. 32.

может быть отнята и передана в том смысле, в каком это свойственно вещам⁴⁸, и носит неизгладимый характер. Последнее обстоятельство имеет значение, в частности, при решении вопроса о последствиях признания недействительной сделки, в рамках которой были переданы «удостоверения» прав корпоративного участия (доли, акции)⁴⁹.

Не представляются обоснованными и попытки представить информацию в условиях цифровизации в качестве некоего особого объекта «цифрового права», что обособленно от гражданского права⁵⁰. Хотя выше уже приводилось обращение к процессу цифровизации, но при этом говорилось о нем лишь в смысле оценки общего его влияния на правовую надстройку, что обуславливает необходимость не создавать новый фундамент правовых конструкций, но переосмыслять уже сформировавшиеся понятия в рамках устоявшихся правовых школ и доктрин, на что также указывают профессор Н.В. Козлова и профессор С.Ю. Филиппова.⁵¹

Для полноты картины следует обратиться к таким способам использования информации, что обусловлены происходящим процессом цифровизации, и чье появление связано с необходимостью удовлетворить потребности функционирования новой экономики. Например, при обучении моделей искусственного интеллекта используется так называемый *dataset*, который по существу представляет собой массив данных «А», которому сопоставлен некоторый массив данных «В». Процесс обучения модели построен таким образом, что ее внутренние параметры подбираются так, чтобы при передаче на входной слой нейронной сети массива данных «А» выдавался результат максимально приближенный к массиву данных «В». Может ли такой новый способ использования информации рассматриваться в качестве самостоятельного объекта гражданских или «цифровых» прав? При составлении *dataset`а* используется совокупность текстов и прочих

⁴⁸ Козлова, Филиппова, указ. соч. С. 68-69. Кресс, указ. соч. С. 33.

⁴⁹ Шиткина (отв. ред.), указ. соч. Т. VI. С. 230.

⁵⁰ См. пример такого: Вайпан (статья), указ. соч. С. 23.

⁵¹ Филиппова, Козлова, указ. соч. С. 5-6.

материалов, которые созданы людьми и уже охраняемы как объекты авторского права; следовательно, информация не выступает в таком случае в качестве нового объекта, а вполне укладывается в привычные формы.

Но результатом цифровизации является также большее распространение таких ситуаций использования информации, что все же могут быть признаны в качестве самостоятельного объекта прав. Так в рамках рынка *bigdata* ценность приобретают собранные данные об участии человека в гражданском обороте. В использовании подобной информации могут быть заинтересованы, например, маркетинговые агентства, при формировании стратегии рекламного охвата. Причем такие сведения имеют вполне измеримое «качество» (такие свойства как актуальность, полнота, корректность и так далее), а за дефекты в таком качестве действительно могут возникать требования о возмещении убытков. Такого рода *информация* не может признаваться вещью по уже рассмотренным причинам. При этом она не является и тем, что попросту конституирует общественные взаимодействия, поскольку обособленна от них. В этом смысле она может рассматриваться в качестве самостоятельного объекта гражданских прав.

Осмелимся предложить, что возвращение в поименованный перечень статьи 128 Гражданского кодекса РФ «информации» отвечает политико-правовым соображения в условиях цифровизации всего экономического базиса, когда она приобретает все большее значение и все больший объем в обществе⁵²; поскольку предполагается, что если информация станет прямо поименованным объектом, то в таком случае суду и всем участникам гражданского оборота будет дан верный ориентир по поводу возможности обращения за защитой своих прав из договорных правоотношений, если их объектом по сути своей выступает именно информация как таковая.

⁵² Geis G.S. Information Litigation in Corporate Law // Virginia Law and Economics Research Paper. № 17, 2019. P. 40.

Также нельзя согласиться с профессором В.В. Крессом в его предложении рассматривать информацию в качестве нематериального блага, поскольку остается неясным, о каком именно благе идет речь и не приводит ли такой подход к растворению информации в иных, уже поименованных благах. Выделение, например, информации о частной жизни не решает проблемы, поскольку в данном случае право охраняет неприкосновенность соответствующей сферы, но уж точно не регулирует обращение информации о ней. При этом сама категория нематериальных благ как объект гражданских прав по статье 128 Гражданского кодекса РФ подвергается в литературе критике по причине неопределенности⁵³.

Между тем, вполне возможно, что именно в рамках корпоративного права информация может рассматриваться в качестве самостоятельного объекта правоотношений в рамках действующего законодательного регулирования; право получать информацию о деятельности корпорации прямо закреплено в положениях статьи 65.2 Гражданского кодекса РФ. В данном случае, как представляется, объектом выступает именно обособленная информация, то есть зафиксированная информация о соответствующих социальных взаимодействиях. Отдельно по этому поводу будет сказано далее в параграфе два настоящей главы.

Учитывая все вышеизложенные соображения, представляется возможным признать, что информация может иметь значение отдельного и самостоятельного объекта гражданских прав. Однако следует также учитывать, что при попытке определить информацию в качестве объекта она фактически определяется по остаточному принципу; аналогичный остаточный характер она будет иметь и в случае ее повторного включения в перечень объектов, предусмотренный статьей 128 Гражданского кодекса РФ. Остаточный характер, кажется, вполне следует из самой постановки вопроса: да, информация есть всегда и везде, так что по сути она является наполнением

⁵³ Филиппова, Козлова, указ. соч. С. 40-41.

любого поименованного объекта статьи 128 Гражданского кодекса РФ, но существуют ситуации, при которых она имеет самостоятельное значение, обособленное и абстрагированное от конкретных актов социального взаимодействия, и при этом не подпадающее под конкретные правовые режимы.

В таком случае особенно важной становится задача при формулировании положения статьи 128 Гражданского кодекса РФ не допустить возникновения еще одного проявления проблемы, о которой применительно к нематериальным благам говорят профессор Н.В. Козлова и профессор С.Ю. Филиппова, а именно того, что такое понятие окажется предельно неконкретным⁵⁴.

Для полноты рассмотрения информации в ее объектном проявлении также отметим, что в законодательстве встречаются формулировки со словом «информация» в своем составе, например «информация о товарах» (статья 10 Закона РФ «О защите прав потребителей»). Наличие подобных формулировок некоторыми авторами, как уже отмечалось выше, воспринимается как указание на информацию в качестве самостоятельного объекта. Однако в подобных случаях речь идет скорее об информации, связанной с коммуникативным взаимодействием между лицами и выступающей поэтому в своем онтологическом проявлении. Такая информация сама по себе не представляет интереса для права в качестве самостоятельного объекта, что фактически следует из позиции самой А.Г. Тухватулиной, которая приводит обязанность продавца предоставить достоверную информацию о товаре (статья 495 Гражданского кодекса РФ) в качестве примера информации как объекта⁵⁵, но при этом как раз не признает за таким «объектом» самостоятельного характера.

⁵⁴ Филиппова, Козлова, там же.

⁵⁵ Тухватулина, там же.

Наконец заметим, что существует информация, что попросту безразлична праву. Например, сведения о цвете обоев в соседской квартире, если это по какой-то причине сохранилось в сознании индивида, но при этом нет никакой причины для объективизации этих сведений из сознания в гражданском обороте. Возможна ситуация, когда индивид будет обладать информацией в сознании, но не вступать при этом в социальные взаимодействия, тогда будет сохраняться лишь потенциальность объективизации сведений. В обоих случаях информация не вступает в информационный обмен, а значит не может рассматриваться как объект гражданских правоотношений и действительно безразлична праву.

Завершая рассмотрение настоящего блока и учитывая вышеизложенные представления об информации, политико-правовые соображения, положения информационно-коммуникационной доктрины, а также те сложности, с которыми можно столкнуться при формировании нормативного определения информации, представляется целесообразным усовершенствовать положение статьи 128 Гражданского кодекса РФ путем дополнения его соответствующей формулировкой в конце перечня объектов; именно в конце перечня по причине отмеченного остаточного характера информации в качестве самостоятельного объекта гражданских прав; возможная редакция дополнения к положениям статьи может быть сформулирована таким образом: «информация, пригодная для самостоятельного использования и имеющая имущественную ценность».

Помимо объекта гражданских прав, иной классической цивилистической категорией являются юридические факты. Согласно конвенциональному представлению в доктрине под ними понимаются обстоятельства реальной действительности, с которыми норма права связывает возникновение, изменение или прекращение правоотношений⁵⁶, то есть с которыми правопорядок связывает возникновение, изменением или прекращение

⁵⁶ Белов В.А. Гражданское право. Т.II. Общая часть. Лица, блага, факты: Учебник для бакалавров. С. 455.

субъективных гражданских прав и обязанностей⁵⁷. Возможно ли представить, что информация, точнее обладание ею, обуславливает подобную динамику правоотношений? Представляется, что должен быть дан положительный ответ, в пользу чего возможно привести целый ряд примеров из современного гражданского законодательства.

Известную сложность при попытке исследовать обладание информацией с точки зрения юридического факта в отечественном правовом порядке представляет то, что среди положений статьи 8 Гражданского кодекса РФ не содержится прямого указания на обладание информацией. Как отмечает профессор С.Ю. Филиппова, эта норма предусматривает исчерпывающий перечень оснований возникновения прав и обязанностей, не относящихся к действиям⁵⁸. По этой причине возникает проблема квалификации *de lege lata* обладания информацией с точки зрения установленной системы юридических фактов, так как данное обстоятельство следует понимать как то, что независимо от волевых актов⁵⁹: поскольку информация в рамках информационно-коммуникативной доктрины представляет собой отражение идеального мира в сознании индивида, юридические последствия должны связываться именно с фактом наличия такого отражения в сознании индивида. В контексте настоящего исследования под информацией не может пониматься волевое действие по ее приобретению; речь идет о сведениях, сообщенных лицу извне, целенаправленно либо случайным образом – речь идет о факте наличия, а не о способе получения. В этом смысле обладание информацией указывает скорее на событие в системе юридических фактов⁶⁰. Специфика такого отражения в сознании индивида связано с изменением контекста восприятия социальной действительности, представлений о содержании и

⁵⁷ Гражданское право: учебник для бакалавров / под ред. Е.А. Суханова. 3-е изд. М., 2010. С. 431.

⁵⁸ Филиппова С.Ю. Юридические действия как юридические факты в российском гражданском праве: диссертация на соискание ученой степени д.ю.н. Москва, 2021. С. 53.

⁵⁹ Филиппова (докторская диссертация), указ. соч. С. 54.

⁶⁰ Поскольку, согласно общепринятой точки зрения в цивилистической доктрине под событиями как раз имеются в виду такие обстоятельства, которые не связаны с волей людей на их наступление (например, см.: Гамбаров Ю.С. Курс гражданского права. Т. 1 Часть общая. СПб., 1911. С. 632).

структуре социальных отношений. Примером подобного в частном праве является категория добросовестности.

Профессор С.Ю. Филиппова рассматривает добросовестность в качестве «производного» юридического факта, указывая, что она оказываются некоторым обобщением прочих юридических фактов⁶¹; это, как представляется, является попыткой использовать наименее экстремальный способ избежать противоречие *de lege lata* при постановки вопроса о добросовестности (по сути дела вопроса об обладании информацией) как о юридическом факте при учете системы, принятой ныне в статье 8 Гражданского кодекса РФ, так как такая формулировка позволяет избежать необходимости прямой постановки вопроса о том, представляет ли обладание информацией самостоятельный юридический факт. На самом же деле нет никакой проблемы в экстремальном признании за обладанием информацией качества юридического факта в рамках установлений российского правопорядка.

Решением является положение подпункта 9 статьи 8 Гражданского кодекса РФ, в котором установлен открытый (в смысле бланкетной нормы) перечень тех юридических фактов, что не являются действиями: таковыми признаются и иные обстоятельства, если закон связывает с ними наступление гражданско-правовых последствий. В этой связи далее представляется целесообразным рассмотреть возможные юридические факты в смысле обладания информацией на основе конкретных норм действующего российского законодательства, не делая далее оговорок о том, что согласно действующим положениям российского закона обладание информацией может признаваться юридическим фактом лишь в тех случаях, в которых закон напрямую это предусматривает.

⁶¹ Филиппова (докторская диссертация), указ. соч. С. 82-83.

Во всяком случае в гражданском законодательстве действительно возможно найти множество примеров, когда «знание», то есть обладание информацией, приводило бы к динамике гражданских правоотношений.

В первую очередь речь идет о конструкции «знал или должен был знать». Например, согласно положениям абзаца 3 пункта 6 статьи 67.2 Гражданского кодекса РФ, если другая сторона сделки знала или должна была знать о существовании ограничений на совершение сделки сторонами корпоративного договора, то другая сторона корпоративного договора вправе оспорить данную сделку. Близким к этому является положения абзаца 2 пункта 2 статьи 35 Семейного кодекса Российской Федерации, согласно которому сделка по поводу имущества, находящегося под режимом совместного имущества супругов, может быть оспорена другим супругом, если будет доказано, что контрагент по данной сделке знал или заведомо должен был знать об отсутствии согласия такого супруга. В обоих из приведенных примеров наличие того обстоятельства, что контрагент обладал соответствующей информацией, приводит к тому, что у другого лица возникает субъективное право по оспариванию сделки: со стороны другой стороны корпоративного договора или супруга, соответственно. Именно обладание информацией выступает фактом, приводящим к возникновению субъективного права, что по определению должно признаваться юридическим фактом. Подобные примеры составляют первую группу последствий, которые закон связывает с обладанием информацией. Данная группа включает такого рода обстоятельства обладания информацией, которые приводят к возникновению у иного лица права на оспаривание сделки.

Примером второй группы является информация в том смысле, который может быть выявлен при анализе оснований течения приобретательной давности. Согласно положениям статьи 234 Гражданского кодекса РФ добросовестность как одно из условий течения срока приобретательной давности понимается в смысле добросовестности владения. Как указано в совместном постановлении Пленумов Верховного Суда Российской

Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, добросовестное владение имеет место тогда, когда лицо, получая владение, не знало и не должно было знать об отсутствии основания возникновения у него права собственности⁶². В таком случае, если лицо на деле бы обладало соответствующей информацией, то это обстоятельство привело бы к динамике правоотношения в контексте течения приобретательной давности. В качестве иного примера данной группы могут служить положения статьи 53.1 Гражданского кодекса РФ, предусматривающие наступления ответственности лица, которое было уполномочено выступать от имени юридического лица в его интересах добросовестно и разумно при осуществлении принадлежащих прав и обязанностей, если такое лицо уклонилось от данного стандарта поведения. Данный стандарт, как известно, нашел свое определение в судебной практике в том числе таким образом, что его нарушение признается в случае, если такое лицо знало или должно было знать о том, что его действия (бездействия) на момент совершения не отвечали интересам юридического лица, например, если лицо совершило сделку (голосовало за ее одобрение) на заведомо невыгодных для юридического лица условиях или заключило договор корпорации с таким контрагентом, что заведомо было неспособно исполнить принятую на себя обязанность (нарушение стандарта добросовестности); либо если такое лицо приняло решение без учета известной ему информации, имеющей значение в данной ситуации (нарушение стандарта разумности)⁶³. Примеры данной группы приводят к такой динамике правоотношений, которая является следствием изменения правовой квалификации фактических отношений.

Еще одним примером обладания информацией в рамках рассматриваемого проявления в качестве юридического факта возможно

⁶² Пункт 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29 апреля 2010 года «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // СПС КонсультантПлюс.

⁶³ Пункты 2 и 3 (соответственно) Постановления Пленума ВАС РФ «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» № 62 от 30 июля 2013 года // СПС КонсультантПлюс.

назвать иное положение из области корпоративного права, а именно связанное с защитой прав и законных интересов кредиторов корпорации при ее реорганизации. Согласно положениям пункта 1 статьи 60 Гражданского кодекса РФ право требовать в судебном порядке досрочного исполнения или прекращения обязательства возникает у кредиторов в связи с фактом опубликования уведомления в соответствующем средстве массовой информации о начале процедуры реорганизации и о порядке заявления кредиторами своих требований. В данном случае публикация уведомления презюмирует донесение до сознания индивидов информации о происходящем процессе реорганизации юридического лица. Данное проявление информации состоит в возникновении субъективного права, отличного от права оспаривать сделку, что делает разумным сохранить их разделение по группам.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, представляется возможным указать на следующие ключевые положения, выступающие основанием для всего последующего исследования:

1. Под информацией как правовой категорией в рамках настоящей работы следует понимать не сведения сами по себе, а идеальное отображение сознания индивида, способное к манифестации вовне и восприятию другими индивидами. Иными словами, речь идет о таком состоянии осведомленности и таком знании, что могут быть перенесены из одного сознания в другое, становясь тем самым предметом социального обмена. Именно с этой точки зрения информация оказывается тем, посредством чего вообще возможны общественные отношения, а значит и правоотношения: социальную связь возникает не из физического соприкосновения субъектов, а из того, что они оказываются в коммуникативном обмене. Данное определение информации отличается от приведенного в Законе об информации, где под ней понимается информация в смысле неких данных, но не в социально-значимом смысле.

2. Для правопорядка оказываются юридически-значимыми следующие три проявления категории информация:

(1) онтологическое проявление заключается в том, что информационный обмен конституирует на самом фундаментальном уровне внутреннюю структуру фактического отношения (как и всякого социально взаимодействия) настолько, что изменение формы обмена информацией влияет на содержание и форму общественных отношений, обуславливая тем самым необходимость изменения в их правовом регулировании, что особенно заметно в контексте происходящей цифровой трансформации общества и экономики; примером этого могут служить выше рассмотренные новеллы, связанные с дистанционными заседаниями;

(2) объектное проявление заключается в том, что информация в ряде случаев выступает тем, по поводу чего складываются правоотношения: в этом смысле она обособляется в виде документов, сведений, сообщений, массивов данных, которые имеют самостоятельную имущественную ценность и могут быть объектом правоотношений. При этом важно отличать информацию как квант социального взаимодействия от технических агрегатов данных и от тех форм, в которых под ней понимаются результаты интеллектуальной деятельности;

(3) фактологическое проявление заключается в том, что обладание или необладание информацией может рассматриваться правом порядком в качестве обстоятельства, влекущего динамику правоотношений; юридическое значение в этом случае имеет не информация как объект, а состояние юридически-значимой осведомленности, в котором находится субъекты; оно включается в конструкции добросовестности, разумности и в конструкцию «знал или должен был знать».

3. При этом фактологическое проявление информации целесообразно также дифференцировать на три группы последствий:

(1) осведомленность как элемент основания оспоримости сделки, когда наличие знания контрагента наделяет другое лицо правом оспаривать сделку;

(2) осведомленность как элемент квалификации поведения, когда знание о существенных обстоятельства влияет на оценку добросовестности и разумности, а значит на квалификацию действий лица и объема его ответственности;

(3) осведомленность как условие возникновения субъективного права или возможности по его реализации, когда доведение информации до адреса либо презумпция этого приводит к динамике принадлежащих прав и обязанностей.

4. Корпоративные отношения могут быть рассмотрены в качестве последовательных формализованных актов информационного обмена между участником и корпорацией, органами управления корпорации и участниками, а также следует говорить об отношениях между корпорацией и кредиторами, а равно между корпорацией и иными стейкхолдерами. В общем виде это утверждение верно для любых социальных отношений, однако применительно к корпорациям приобретает особую наглядность, поскольку корпоративная форма предполагает сложный процесс внутренней организации воли, приводящий к ряду актов информационного обмена в процессе осуществления корпоративных процедур.

Дальнейшее исследование требует рассмотрение специального вопроса о том, каким образом информация включается в структуру корпоративного правоотношения и каковы пределы и содержание информационных прав участника и кредитора корпорации.

§ 2. Корпоративные правоотношения и информация

Как известно, категория правоотношений являются одной из основных во всей цивилистической доктрине⁶⁴. Данная категория имеет особое значение при рассмотрении вопросов именно корпоративного права, поскольку корпоративные отношения отличаются особым содержанием. Как было справедливо замечено профессором Отто фон Гирке при анализе привычной конструкции корпорации необходимо обращать внимание прежде всего на существование специфических отношений между самой корпорацией и ее участниками. Именно эта «связность» отличает корпорацию «германского» типа от «римского» типа, которая на деле не представляла собой ничего принципиально отличного от тех правовых форм, которыми участники гражданского оборота структурировали свое участие в нем, а именно посредством договорных средств оформления⁶⁵. В этом месте не будем вдаваться в критику данной точки зрения, аргументы против которой отчасти уже приводились и обзоревались в иных работах⁶⁶, но согласимся с тем, что именно профессор Отто фон Гирке впервые предпринял попытку по юридической квалификации того отношения «связности», что с необходимостью существует в рамках корпоративной организационно-правовой формы⁶⁷.

В ходе реформы по совершенствованию гражданского законодательства в 2014 году в Гражданском кодексе РФ в пункте 1 статьи 65.1 было закреплено определение корпорации, а именно то, что под ней понимается юридическое лицо, в отношении которого участники, в том числе, обладают правами участия в нем. Помимо данного положения, в пункте 1 статьи 2 Гражданского кодекса РФ было отражено содержание соответствующих отношений: были прямо поименованы отношения, связанные с участие в корпорации или управлением ею. Поскольку при обсуждении корпоративных правоотношений

⁶⁴ Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 9; Иоффе, указ. соч. С. 512.

⁶⁵ См.: Суворов Н.С. О юридических лицах по римскому праву. М., 2000. С. 97-109.

⁶⁶ См.: Дзыза, указ. соч. С. 24.

⁶⁷ Ломакин, указ. соч. (монография). С. 47.

и данных положения статьи 2 Гражданского кодекса РФ нужно учитывать известную двойственность в смысле разграничения отношения участия и отношения по управлению (что, возможно, является не до конца оправданными и желанным в отношении корпорации⁶⁸), то необходимо отметить, что предметом настоящего исследования в большей степени являются именно отношения участия и те отношения по управлению, что связаны напрямую с отношением участия. Рассмотрение иных конфигураций отношений в смысле двойственности пункта 1 статьи 2 Гражданского кодекса РФ кажется целесообразнее оставить для проведения будущих исследований, учитывая всю специфику юридической личности в рамках подобных иных конфигураций корпоративных правоотношений⁶⁹.

В свою очередь, рассматривая вопрос об участии в корпорации, необходимо указать на существование ряда подходов к определению его правовой природы. Наиболее известными и распространенными в современной российской доктрине являются следующие: теория базовых корпоративных правоотношений, которая была обоснована профессором Д.В. Ломакиным⁷⁰; а также теория корпоративной правоспособности, которая поддерживается и развивается в доктрине усилиями профессора С.Ю. Филипповой и профессора В.А. Белова⁷¹.

При детальном рассмотрении обе данные теории оказываются достаточно сходными по своему содержанию в том смысле, что в обоих случаях очевидным образом признается существование предварительного отношения

⁶⁸ Например см.: Суханов Е.А. Хозяйственное партнерство или инвестиционная коммандита? (размышления над законопроектами) // Суханов Е.А. Проблемы реформирования Гражданского кодекса России: Избранные труды 2008–2012 гг. М., 2013. С. 211–212.

⁶⁹ Речь идет о возможности вынесения функций управления за пределы традиционной корпоративной структуры, что допускается, в частности, организационно-правовой формой хозяйственного партнерства (п. 3 ст. 5 Федерального закона «О хозяйственных партнерствах»). Указанная модель предполагает особую конфигурацию информационного обмена между участниками и управляющим субъектом, однако в рамках настоящего параграфа данный вопрос специально не рассматривается, поскольку выходит за пределы задачи по составлению очерку информационно-коммуникационной доктрины в рамках настоящего исследования.

⁷⁰ Ломакин, указ. соч. (монография). С. 87.

⁷¹ Филиппова С.Ю. Внутренние правоотношения в хозяйственном обществе: диссертация на соискание ученой степени к.ю.н. Томск, 2001. С. 37; Белов В.А. Гражданско-правовая форма корпоративных отношений (к проблеме так называемых корпоративных правоотношений) // Корпоративное право. Актуальные проблемы теории и практики // под ред. В. А. Белова. М., 2014. С. 167.

«связности», наличие которого требуется для потенциальной возможности возникновения правоотношения с более конкретным предметным и объектным содержанием, такие как, например, обязанности по выплате дивидендов⁷². Однако указанные теории расходятся в том, как именно на юридическом языке конструируется «связность» между корпорацией и ее участниками.

Теория корпоративной правоспособности исходит из представления, что участие в корпорации означает модификацию статуса конкретного лица в части включения потенциальной возможности быть субъектом прав и обязанностей по отношению к корпорации. Если продолжить следовать данной логике, то следует заметить, что для существования и возникновения производных корпоративных отношений оказывается достаточным самого наличия соответствующего статуса. При этом до момента возникновения конкретных производных правоотношений участник не обладает конкретными субъективными права и обязанностями, что могли бы оказываться предметом самостоятельной защиты⁷³. Тогда и принятие решения о лишении или приостановлении возможности вступать в производные корпоративные правоотношения сводится напрямую к лишению самого статуса участия в корпорации, который в таком случае приобретает также абстрактный характер относительно реальной динамики информационного обмена.

В отличие от вышесказанного теория базовых корпоративных правоотношений позволяет учитывать реальную динамику фактических общественных отношений, а значит информационного обмена: правоотношения в данном случае выступают юридическим образом фактических связей, что складываются и реализуются между конкретными субъектами права. Учитывая положения коммуникативной доктрины относительно природы правоотношений, предполагается в настоящем

⁷² Филиппова, указ. соч. (кандидатская диссертация). С. 47; Ломакин, указ. соч. (монография). С. 63.

⁷³ Шиткина (отв. ред.), указ. соч. Т. VI. С. 215.

исследование принять позицию профессора Д.В. Ломакина, поскольку именно она позволяет рассматривать отношения участия в качестве образа происходящего в действительности информационного взаимодействия между корпорацией и ее участниками. Поскольку, согласно коммуникационной доктрине, возникновение правоотношений в юридической плоскости предполагает осуществление обмена информацией между субъектами ввиду того, что само общественное отношение представляет собой структурированный информационный обмен.

Таким образом, отношения участия могут быть рассмотрены не только лишь в качестве следствия из факта обладания правом на доли участия, но и в смысле включенности лица в информационный обмен по отношению к корпорации, что означает в том числе возможность получать сведения о фактах ее деятельности и участвовать в формировании ее воли через процедуры, которые основаны на предварительном информировании. В таком случае информация выступает не внешним элементом корпоративного статуса, а его структурной характеристикой, в чем вновь находит выражение онтологическое проявление информации.

В качестве примера нарушения коммуникативного обмена, способного приводить к фактическому «сужению» корпоративных правоотношений, может быть названа проблема так называемых «потерянных акционеров». В августе 2024 года Закон об АО был дополнен положениями, предоставившими обществу право приостанавливать выплату дивидендов (статья 43.1), а также направление сообщений о проведении общего собрания и (или) бюллетеней для голосования (статья 52.1), если информационный обмен с акционером систематически не осуществляется⁷⁴. При всей понятности экономической

⁷⁴ Как указано в пояснительной записке, принятие данных изменений было связано с необходимостью решения проблемы таких акционеров, сведения о которых отсутствуют и которые не осуществляют права акционеров на протяжении длительного периода времени, что может быть рассмотрено как ситуация, при которой фактически утрачивается возможность поддержания регулярного информационного взаимодействия между обществом и участником, в том числе доведения до него юридически значимых сообщений; см.: Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и статью 8 Федерального закона «О рынке ценных бумаг» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/download/6a0fc84e-0760-495f-82c4-a45a0a359e78> (дата обращения: 01.03.2026).

подоплеке и интересов бизнес-сообщества в отношении включения в законодательство этих положений, все же они позволяют обосновать вполне понятную идею с точки зрения теории коммуникации: чтобы быть участником корпорации необходимо быть стороной информационного обмена по отношению к корпорации, а если лицо выпадает из этого взаимодействия, то и реализация его производных корпоративных прав (и соответствующих обязанностей со стороны корпорации) приостанавливается до тех пор, пока информационный обмен не будет восстановлен (пункт 6 статьи 43.1, пункт 7 статьи 52.1 Закона об АО)⁷⁵.

Другим важным примером коммуникативного обмена является подготовка к проведению общего собрания участников. Законодательство о хозяйственных обществах прямо относит к числу обязательных действий общества при подготовке к проведению общего собрания направление информации и материалов, которые позволяют сформировать надлежащее представление о деятельности общества и по вопросам повестки дня. Соответствующие сведения направляются совместно с уведомлением о проведении заседания либо заочного голосования; в случае же изменения повестки дня соответствующие сведения и материалы вновь направляются одновременно с уведомлением о таком изменении (пункт 3 статьи 36 Закона об ООО; пункт 3 статьи 52 Закона об АО). При этом конкретный состав направляемых материалов может быть дополнительно конкретизирован в уставе общества. Тем самым законодатель прямо допускает регулирование степени и интенсивности информационного обмена в рамках корпоративной процедуры.

⁷⁵ Как указывает И.С. Чупрунов, наличие в реестре «потерянного» акционера связано, в частности, с тем, что обществу приходится направлять ему уведомления о проведении общих собраний, «несмотря на то что они могут не доходить или даже возвращаться назад» (Чупрунов И.С. Проблема «потерянных» участников корпорации. Развернутый комментарий к Определениям Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 15 декабря 2022 года N 304-ЭС22-10636 и от 31 января 2023 года N 305-ЭС22-13675 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. № 5, 2023. С. 4). Данная ситуация демонстрирует разрыв фактической связи между обществом и участником, которая выражается прежде всего в невозможности информационного взаимодействия.

В данном случае мы видим прямое пересечение нескольких проявлений информационного обмена в структуре корпоративного правоотношения. Прежде всего участник корпорации обладает правом быть уведомленным обществом о проведении общего собрания либо заочного голосования⁷⁶. Наряду с этим в доктрине выделяется более широкая группа прав, связанных с предоставлением участнику информации о деятельности общества; данные правомочия обычно объединяются в категорию информационных прав участников корпорации⁷⁷. При этом нередко информационные права рассматриваются как второстепенные по отношению к иным корпоративным правам, прежде всего к праву на участие в управлении корпорацией⁷⁸. Данная точка зрения представляется хотя отчасти резкой, но справедливой, особенно в рамках информационно-коммуникативной доктрины правоотношений по причине нижеследующих соображений.

Хотя выше были отмечены положительные стороны доктрины базовых корпоративных правоотношений, однако нельзя не заметить, что эта доктрина подвергалась справедливой критикой за то, что не описывает то какие именно субъектные права составляют содержание данных базовых правоотношений⁷⁹. Данная проблема не представляется удивительной, поскольку при классических доктринах кажется, что никакие субъективные права не могут наполнять столь потенциально-ориентированное правоотношение (настолько потенциальное, что кажутся вполне справедливыми аргументы в пользу того, чтобы рассматривать его в качестве особой корпоративной правоспособности). В этой связи, учитывая «вспомогательный» характер

⁷⁶ Данное право непосредственно вытекает из обязанности общества направлять уведомления (п. 1 ст. 36 Закона об ООО; п. 1 ст. 52 Закона об АО), поскольку наличие обязанности одного лица корреспондирует наличию у иного лица соответствующего права.

⁷⁷ Шиткина (отв. ред.), указ. соч. Т. V. С. 47.

⁷⁸ Например, О.В. Гутников прямо указывает, что «участникам корпорации принадлежат корпоративные права, основным из которых является участие в управлении делами корпорации; все остальные корпоративные права (право на информацию, право обжаловать решения органов корпорации, оспаривать совершенные корпорацией сделки и т.д.) являются вспомогательными и могут быть охарактеризованы как права, связанные с правом на участие в управлении юридическим лицом» (Гутников О.В. Гражданско-правовая ответственность в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами: диссертация на соискание ученой степени д.ю.н. М., 2018. С. 56).

⁷⁹ На проблему содержания «базовых» правоотношений уже обращалось внимание в тематической литературе, например: Филиппова, указ. соч. (кандидатская диссертация). С. 47.

информационных прав в том смысле, что они как бы выступают необходимым основанием реализации иных, более существенных категорий корпоративных прав, реализация которых зачастую поставлена в зависимость от надлежащего исполнения информационных прав, данная категория субъективных прав участников может быть рассмотрена в качестве содержания базовых корпоративных правоотношений.

Принятие коммуникативной доктрины также подводит к необходимости признания такого варианта: информационный обмен в таком случае оказывается именно тем, что конституирует существование правоотношения участия, иными словами – базового корпоративного правоотношения. В этом находит свое выражение онтологическое проявление информации в качестве содержательного основания корпоративного взаимодействия.

К таким субъективным правам в указанном смысле должно относиться, во-первых, право, которому корреспондирует обязанность со стороны корпорации по предоставлению информации, в том числе в порядке уведомления; данное право представляется целесообразным обозначить как право на информирование и понимать под ним далее как вышеприведенный пример по поводу уведомления о проведении общего собрания, так и информирование в иных предусмотренных в законе случаях, включая уведомление о реорганизации (пункт 1 статьи 60 Гражданского кодекса РФ), ликвидации (пункт 1 статьи 63 Гражданского кодекса РФ), возможности реализации преимущественного права приобретения акций, отчуждаемых по возмездным сделкам другими акционерами (пункт 4 статьи 7 ФЗ об АО), а равно иные случаи, прямо предусмотренные законом или уставом корпорации. Во-вторых, следует говорить о праве на предоставление информации, реализуемом по инициативе самого участника, когда он проактивно запрашивает сведения о деятельности корпорации в силу собственного интереса и по собственной воле. В рамках настоящего исследования далее первостепенное значение будет уделяться проблематике именно права на информирование. Для полноты рассмотрения заявленной темы параграфа

рассмотрим также некоторые вопросы права на предоставления информации; поскольку некоторые выводы из такого рассмотрения могут быть *mutatis mutandis* использованы далее для анализа права на информирование.

По своей сути информационные права всегда так или иначе, как уже было отмечено выше, рассматривались чуть более вторичными⁸⁰. Однако на деле они являются не столько вторичными, сколько наоборот фундаментальным с точки зрения коммуникационной доктрины. Именно их реализация опосредует как таковое участие в корпорации, то есть базовое корпоративное правоотношение, которое впоследствии входит в юридический состав при возникновении производных корпоративных правоотношений.

Как верно отмечают в тематической литературе, право на получение информации определяют тот необходимый объем информации, который должен обладать каждый участник корпорации пропорционально принадлежащему ему корпоративному контролю, чтобы иметь возможность ощущать и осуществлять соответствующую степень связности с корпорацией, в том числе реализовывая иные категории корпоративных прав⁸¹. Заметим также, что в отношении ООО и АО законодатель данный вопрос решает не одинаково. Как уже отмечалось выше существует общее положение Гражданского кодекса РФ о том, что в случаях и в порядке, которые предусмотрены законом и учредительными документами корпорации, ее участники имеют право получать информацию о ее деятельности и знакомиться с ее бухгалтерской и иной документацией (пункт 1 статья 65.2). Закон об ООО почти дословно повторяет данное положение в пункте 1 статьи 8, указывая при этом, что реализации права на предоставления информации в таком случае осуществляется в установленном уставом порядке. Таким образом, в отношении ООО определение информационного взаимодействия

⁸⁰ Гутников, там же.

⁸¹ На данный вывод наводит замечание сделанное А.А. Маковской в отношении группы документов, которые могут быть получены по требованию любого акционера: «эта группа образует тот минимум документов, доступ к которым по мнению законодателя, необходим любому акционеру для того, чтобы «осознанно» принимать участие в управление обществом, осуществлять и защищать свои права» (Шиткина (отв. ред.), указ. соч. Т. V. С. 49).

по сути дела отдано на откуп самому обществу, а равно не существует какой-то определенной в законе заранее градации получения информации о деятельности общества, что вполне согласуется с представлением о личностном характере ООО⁸². Напротив, положения Закона об АО содержат детализированный перечень того, какие именно сведения и кому должны предоставляться, причем данные положения имеют значение как в отношении публичного, так и непубличного АО, хотя в отношении последнего режим оказывается чуть проще, но все равно сохраняется известная степень детализации (статья 91 Закона об АО)⁸³.

Для цели определения данной детализации законодателем учитываются, по сути, два следующих фактора.

Во-первых, каким объемом корпоративного контроля необходимо обладать для получения определенной категории информации о деятельности общества, что является отражением общего представления в доктрине, что большая степень участия в корпорации подразумевает меньший риск злоупотребления правом на получение информации в ущерб обществу, соответственно для таких акционеров может быть представлен намного больший объем сведений о корпорации⁸⁴. Эта логика может быть обоснованно также тем соображением, что больший объем участия в корпорации подразумевает большую значимость решения, принятого таким акционером, что требует большего объема информации. С точки зрения информационно-коммуникативной доктрины данный вывод также является верным, поскольку подразумевает необходимость в большем информационном обмене для

⁸² Подобная логика связана с тем, что при личном объединении («объединении лиц») первостепенное образующее значение имеет каждая конкретная личность, чья значимость оказывается в меньшей степени продиктованной соображениями объема принадлежащих имущественных прав, что характеризует иную форму объединения – «объединения капиталов». Принято полагать, что ООО по российскому праву близко именно к объединению лиц, тогда как АО – к объединению капиталов (Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М., 2014. С. 75-76).

⁸³ Ломакин, указ. соч. (статья). С. 33.

⁸⁴ Данный вывод служит логическим развитием вышеприведенного рассуждения А.А. Маковской относительно минимального объема сведений, необходимого всем акционерам (см.: Шиткина (отв. ред.), указ. соч. Т. V. С. 49).

сохранения надлежащей степени связности участника и корпорации в измерении фактических общественных отношений.

Во-вторых, учитывается наличие надлежащей цели получения сведений, что направлено на защиту интересов общества от злоупотребления правом на информацию, включая ситуации, когда доступ к документам используется в интересах получения преимущества над конкурентом, например. Даже в случае соблюдения ценза объема корпоративного контроля требование о предоставлении документов из перечня пункта 4 статьи 91 Закона об АО должны содержать указания на деловую цель, при этом если такая разумная цель отсутствует, то это основание для отказа в предоставлении информации (подпункт 4 пункта 8 статьи 91 Закона об АО); также законодатель предусматривает конкретный перечень обстоятельств, при которых деловая цель не признается разумной, в том числе, если информация запрашивается акционером-конкурентом общества или аффилированным с конкурентом лицом (пункт 7 статьи 91 Закона об АО).

Таким образом, при условии дисперсности акционерного капитала не может быть гарантирована возможность получения каждым из акционеров полного представления о деятельности общества. Таким правом, в силу вышеуказанного фактора детализации права на предоставление информации в зависимости от объема принадлежащей доли акционерного капитала, неминуемо мажоритарный участник общества окажется обладателем большего объема информации, чем миноритарный участник общества. Данное положение дел может казаться справедливым в ситуации принятия ординарных управленческих решений; но оно становится, напротив, явно несправедливым в отношении тех решений, что наносят неизгладимый эффект и затрагивают имущественные интересы акционеров напрямую, а не в отражении от интересов общества. Как будет рассмотрено в соответствующем месте далее, примером такой несправедливости оказывается порядок принятия решения о реорганизации корпорации. Наличие такой диспропорции в объеме имеющихся сведений о деятельности корпорации при принятии

судьбоносного решения о реорганизации создает потенциальную почву для злоупотребления таким положением дел мажоритарными участниками в пользу своих интересах, но в ущерб интересам корпорации, и отраженным образом – интересам миноритарных участников. Это наблюдение есть проявление общей проблемы информационной асимметрии в корпорациях.

В зарубежной литературе информационная асимметрия рассматривается как едва ли не естественное состояние корпоративного управления, поскольку члены органов управления обществ и контролирующие лица в силу занимаемого ими положения располагаются фактическим знанием о положении дел общества, рисках такого положения, заключаемых сделках и в целом внутренних мотивов к совершению тех или иных действий⁸⁵. В свою очередь рядовой участник такой корпорации, тем более обладающий предельно миноритарной долей, вынужден опираться на те сведения, которые до него доводятся в установленном порядке, либо которые он способен получить путем самостоятельного заявления требований о предоставлении информации, реализовывая соответствующие информационные права в известном объеме⁸⁶.

Необходимо согласиться, что сама по себе асимметрия в объеме обладания информацией представляется естественной и обусловленной особенностями самой корпоративной структуры⁸⁷. Различные группы вовлеченных субъектов по объективным причинам и исходя из адекватных соображений политики права обладают правом на получение неодинакового объема сведений о деятельности корпорации. При этом необходимо учитывать, что поскольку субъекты являются самостоятельными участниками гражданского оборота, они неизбежно будут стремиться к реализации именно собственных интересов; и это замечание также является естественным для гражданского права. Проблемы в этом отношении не возникает ровно до тех

⁸⁵ Geis, *op. cit.* P. 37.

⁸⁶ Geis, *op. cit.* P. 38-40.

⁸⁷ См.: Осипенко О.В. Корпоративная конфликтология: монография. М., 2022. С. 583-584

пор, пока интересы различных субъектов не оказываются коллидирующими. Тогда в ситуации столкновения интересов различных сторон, обладатель большей осведомленности приобретает потенциальную возможность воспользоваться состоянием информационной асимметрии в целях реализации личного интереса, а не интересов сторон, находящихся в более слабом информационном положении.

Необходимо отметить, что, хотя регулирование предоставления информации участникам может привести (и зачастую приводит) к информационной асимметрии, они по крайней мере обладают законным правом на получение информации о деятельности общества, поскольку являются сторонами базового корпоративного правоотношения. В отличие от этого кредиторы по общему правилу не имеют никакого специального права на получение информации о деятельности корпорации⁸⁸, за исключением случаев предусмотрения подобного права в договоре в рамках положений о так называемых информационных ковенантах⁸⁹.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, представляется возможным указать на следующие ключевые положения, выступающие основанием для всего последующего исследования:

1. Информационные права участников корпорации могут быть рассмотрены в качестве содержания базового корпоративного правоотношения, поскольку их надлежащее удовлетворение непосредственно обеспечивает определенный уровень связанности корпорации и ее участников. Данный вывод является закономерным информационно-коммуникационной доктрине. Показательной иллюстрацией данного положения могут служить размышления относительно «потерянных акционеров», чье положение

⁸⁸ По поводу такого положения в доктрине континентального права см., например: Esteban Ramos L.M. Los acreedores sociales ante los procesos de fusión y escisión de sociedades anónimas: instrumentos de protección. 2 ed. Cezur Menor, Aranzadi, 2017. P. 268-269.

⁸⁹ Как известно, информационные ковенанты представляют собой такие договорные условия, которые требуют от должника предоставления определенной информации кредиторам, и при определенных условиях могут также предоставлять кредитору право акселерации долга (Беляев Р.В. Ковенанты как механизм управления рисками в кредитных отношениях // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия Менеджмент. № 1, 2015. С. 99).

напрямую связано с систематическим сбоем при попытке осуществить коммуникацию между корпорацией и таким ее участником. В этом выражается онтологическое проявление информации, как основания для существования правоотношений вообще.

2. Информационные права участников целесообразно подразделять на две группы правомочий. Во-первых, право на информирование, то есть право участника на уведомление и получение соответствующей информации для цели надлежащей реализации причитающихся им субъективных прав; в том числе, уведомление о реорганизации или ликвидации. Во-вторых, право на предоставление информации, то есть возможность для участника корпорации в проактивном порядке, иными словами, по своей инициативе, получить желаемые сведения о деятельности корпорации. В последнем случае информация выступает прямо в своем объектном проявлении, являясь обособленным объектом предоставления при надлежащем исполнении корреспондирующей обязанности корпорацией.

3. Для корпоративной структуры естественной оказывается информационное неравенство в смысле структурного различия в том объеме сведений, которыми могут располагать различные группы субъектов. Такое неравенство само по себе является объективным и обусловлено особенностями распределения контроля над корпорацией или осуществления непосредственной деятельности по текущему ее управлению. Между тем при коллидирующих интересах оно неизбежно будет трансформироваться в инструмент влияния, создающий риск использования большей осведомленности в ущерб интересам менее осведомленных участников.

4. В отличие от участников, кредиторы вовсе не обладают по общему правилу правом на получение информации о деятельности общества.

Таким образом, в рамках дальнейшего исследования необходимы будет учитывать следующие соображения: во-первых, информационные права входят в содержание базового корпоративного правоотношения;

во-вторых, необходимо учитывать риски наличие информационной асимметрии.

ГЛАВА II. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СПОСОБОВ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ УЧАСТНИКОВ И КРЕДИТОРОВ КОРПОРАЦИИ ПРИ РЕОРГАНИЗАЦИИ И ЛИКВИДАЦИИ

§ 1. Защита участников корпорации при реорганизации и ликвидации

Реорганизация и ликвидация корпорации традиционно рассматриваются в качестве некоего экстремального события в рамках существования юридического лица, причем такое отношение возможно проследить как в доктрине⁹⁰, так и в законодательстве⁹¹, а также в позициях высшей судебной инстанции⁹². Данный вполне справедливый пафос обуславливает установление законодателем особого порядка осуществления процедур, предусматривая специальное регулирование; данная логика хорошо прослеживается в правовых системах, принадлежащих к *civilian tradition*⁹³. Для участников «экстремальность» рассматриваемых явлений обусловлена трансформацией их имущественного положения не только в смысле возможного при реорганизации и неизбежного при ликвидации прекращения права на принадлежащие доли в уставном капитале корпорации, что является наиболее очевидным юридическим эффектом в отношении их имущественной сферы, – но и в смысле потенциального лишения, прекращения или существенного изменения их корпоративного контроля над тем объемом имущественной сферы, что был ранее обособлен корпорацией.

⁹⁰ Например, член-корреспондент РАН А.В. Габов указывает на то, что реорганизация по своей сути неминуемо затрагивает права и законные интересы участников гражданского оборота (см.: Габов А.В. Реорганизация и ликвидация юридических лиц: проблемы теории и практики. М., 2015. С. 5).

⁹¹ Как представляется, само наличие в Гражданском кодексе РФ специальных положений о гарантиях прав кредиторов при реорганизации (статья 60 Гражданского кодекса РФ) и о защите прав кредиторов при ликвидации (статья 64.1 Гражданского кодекса РФ) свидетельствует в пользу того, что законодатель рассматривает данные процедуры в соответствующем качестве.

⁹² Например, при рассмотрении вопроса ликвидации как меры воздействия на общество в случае неоднократного нарушения законодательства прямо указывает, что ликвидация является «исключительной мерой», что хотя и связано с принудительной ликвидацией по решению суда на основании пункта 3 статьи 61 Гражданского кодекса РФ, но, как представляется, характеристику «исключительности» индифферентна данному обстоятельству (п. 28 Постановления Пленума ВС РФ «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» от 23 июня 2015 года № 25).

⁹³ Дзыза, указ. соч. С. 23; Кузнецов А.А. Реорганизация хозяйственных обществ: гражданско-правовые способы защиты прав и интересов участников и кредиторов: диссертация на соискание ученой степени д.ю.н. М., 2022. С. 8-9.

Эффект от совершения крупной и в итоге невыгодной сделки, заключенной без необходимого в силу закона согласия участников корпорации (например, при цене договора в 51% балансовой стоимости активов при одновременном соблюдении качественного критерия по статье 78 Закона об АО), хотя и способен повлечь убытки для корпорации, которые отразились бы на объеме полученной участниками экономической выгоды при реализации их имущественных прав, но это оставалось бы потенциально поправимым при сохранении существующей структуры уставного капитала; эффект же от реорганизации или ликвидации корпорации оказывается необратимым, поскольку рассматриваемые процедуры носят неизгладимый характер для интересов участников корпорации.

Отсюда также понятна необходимость в особых процедурах, которую некоторые авторы в современной тематической литературе отчасти принижают, указывая как бы на то, что иные корпоративные процедуры также могут иметь схожий эффект с точки зрения экономических последствий для корпорации и для прав участников⁹⁴. Но, во-первых, даже в этих случаях закон предусматривает особый порядок проведения, направленный в том числе на оценку той степени неизгладимости, которую влекут данные процедуры для интересов участников; а, во-вторых, невозможно не замечать экстремальный характер именно процедур реорганизации и ликвидации: в конце концов данные процедуры оказываются неизгладимыми в отношении судьбы субъекта права в той же степени, в которой таковым является биологическая смерть индивида⁹⁵. Именно по этой причине в законодательстве предусматривается ряд способов защиты прав и законных интересов, направленных в конечном счете на то, чтобы экономический эффект от

⁹⁴ Кузнецов докторская диссертация С. 33.

⁹⁵ Хотя, как справедливо указывает профессор А.А. Кузнецов (см.: Кузнецов А.А. Ликвидация хозяйственных обществ: очерк концепции // Вестник гражданского права. № 6, 2025. С. 39), аналогию со смертью физического лица корректнее относить к реорганизации корпорации, но не к ликвидации, поскольку в последнем случае отсутствует правопреемство, тем не менее обе процедуры влекут последствия, сопоставимые по степени их необратимости с последствиями со смертью.

данных процедур оказался бы справедливым для участников корпорации, к чему призвано существование права как такового⁹⁶.

Почему вообще возможна несправедливость при осуществлении процедуры реорганизации и ликвидации для участников общества? Вполне понятно, что речь должна вестись в первую очередь не об ошибках случайного и технического характера, что пусть даже и повлекли нарушение прав участников. Наибольшее значение имеет такого рода несправедливость, что возникает как следствие воли на то вовлеченных субъектов в связи с противоположностью интересов различных групп таких лиц. В отношении процедуры реорганизации следует рассматривать в первую очередь следующие конфликты интересов.

Во-первых, конфликт между миноритарными и мажоритарными участниками корпорации. Возможность его возникновения обусловлена тем, что по причине принятого принципа большинства в корпоративном праве⁹⁷ мажоритарии имеют возможность непосредственно определять решения или делать это в большей степени, нежели чем миноритарные участники; при наличии такой возможности определять решения мажоритарные участники естественным образом стремятся к тому, чтобы определить такие решения именно в свою пользу⁹⁸. В литературе также обращалось внимание на то, что для мажоритариев характерно стремление к развитию компании в долгосрочной перспективе (*in a long-term*), тогда как для миноритариев скорее характерны действия, представляющиеся наилучшими в краткосрочной перспективе (*in a short-term*)⁹⁹.

При принятии решения о реорганизации в данный момент времени выгоды от проведения данной процедуры могут как раз представляться менее очевидными в краткосрочной перспективе по сравнению с теми имущественными выгодами, которыми участники обладали бы, если

⁹⁶ Алексеев, указ. соч. С. 119.

⁹⁷ Шиткина (отв. ред.), указ. соч. Т. I. С. 196.

⁹⁸ Белов, указ. соч. (очерк). С. 166.

⁹⁹ Там же.

реорганизация все же не проводилась¹⁰⁰. Причина необходимости предоставления достаточного объема сведений участникам в связи с принятием решения о проведении реорганизации состоит именно в стремлении предоставить возможность для более осознанного действия при учете формирования объективных представлений о последствиях.

При попытке митигировать данный конфликт интересов возникают закономерные проблемы, обусловленные отсутствием признания преобладающего контроля в уставном капитале в качестве некой несправедливости или недобросовестности: как и в какой мере воля мажоритариев должна приуменьшаться по сравнению с волей миноритариев и допустимо ли подобное регулирование? как в подобной ситуации обеспечить не просто баланс интересов миноритариев и мажоритариев, а реализацию интереса корпорации в развитии себя как хозяйствующего субъекта?

Во-вторых, конфликт прослеживается между участниками, с одной стороны, и членами органов управления корпорацией и ее менеджментом, с другой стороны. По поводу этой ситуации в литературе также осознана возможность конфликта их интересов: для *вторых* интерес может состоять в первую очередь в наличии «правильных» и положительных значений в отчетах о проделанной работе¹⁰¹, если не учитывать вовсе ситуации прямой личной заинтересованности в том или ином поведении корпорации; для участников в целом же существует основной интерес в соответствующих приобретениях от деятельности корпорации и от принимаемых решениях как к краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе.

¹⁰⁰ В качестве примера подобной неопределенности относительно последствий принятия подобных существенных решений приведем следующее. В 2018 году компания Tesla объявила о проведении реструктуризации структуры управления и существенном сокращении административного персонала, что первоначально было воспринято рынком как риск усугубления операционных сложностей и давление на деятельность компании. Несмотря на краткосрочный рост издержек и обеспокоенность инвесторов, реструктуризация способствовала повышению эффективности управления обществом и, по оценкам аналитиков, в конечном итоге поддержала восстановление цен на акции и улучшение финансовых показателей по мере реализации стратегии развития (см. URL: <https://www.reuters.com/article/business/employees-sour-on-tesla-amid-cost-cutting-layoffs-idUSKCN1TB1AA>).

¹⁰¹ О подобного рода конфликтов интересов см., например: Jensen M.C., Meckling W.H. Theory of the Firm: Managerial Behavior, Agency Costs, and Ownership Structure // Journal of Financial Economics. № 3(4), 1976. P. 168.

По поводу рассмотрения данной группы конфликтов выше уже обращалось внимание на существование информационной асимметрии, которая оказывается имманентной парадигме отношений участника и «управляющих» корпорации: первый хотя и является в силу своих прав участия конечными бенефициарами ведения бизнеса, но при этом даже совершенно не обязательно и совсем не должен обладать хотя бы минимальными предпринимательскими навыками или знаниями, позволяющими ему адекватно оценивать перспективы от принятия того или иного решения. Данное наблюдение также подводит к вопросу существования дополнительного внешнего или по крайней мере отличного от «управляющих» лица, которое могло бы авторизовать принятие решений, давать комментарии относительно их справедливости или несправедливости в такой форме, что окажется адекватно воспринимаемой участниками корпорации.

Множество способов защиты участников корпорации при ее реорганизации уже вполне органично следуют из вышеприведенных замечаний относительно конфликта интересов различных групп вовлеченных субъектов. В развитых правовых системах сложились, с одной стороны, вполне определенные способы и объем защищаемых такими способами прав и законных интересов участников, но, с другой стороны, в литературе справедливо отмечается эклектичность таких способов¹⁰²; российское законодательство также не лишено данного недостатка, будучи ко всему прочему отчасти заимствованным из американской правовой системы, причем в форме даже менее удачной, чем существующее тамошнее регулирование таких способов защиты¹⁰³. При попытке определить систему способов защиты укажем на их следующие разновидности.

Во-первых, необходимо выделить имущественные способы защиты, что состоят в возможности для участников выйти из состава корпорации

¹⁰² Кузнецов, указ. соч. (докторская диссертация). С. 29.

¹⁰³ Кузнецов, указ. соч. С. 132-133.

вследствие принятия решения о проведении реорганизации и в преддверии ее совершения, получив, на основе общих представлений о последствиях прекращения прав участия, некоторую компенсацию, в объеме по большей мере действительной стоимости его доли участия.

В первую очередь к данной категории способов защиты необходимо отнести право, предусмотренное положениями статьи 75 Закона об АО, представляющее участникам акционерного общества заявить, в случае голосования против либо не участия в голосовании по этому вопросу, права требовать выкупа обществом всех или части принадлежащих им акций. Данное положение предусмотрено именно в отношении АО по причине того, что в рамках данной организационно-правовой для принятия решения о реорганизации достаточно три четверти голосов акционеров, участвующих в заседании или заочном голосовании (статья 49 Закона об АО). При этом данное положение (заимствованное из американского права, именуемое *appraisal right*) ограничивается отечественным правопорядком тем правилом, что общая сумма средств, направляемая на выкуп акций, не может превышать 10% стоимости чистых активов общества на дату принятия решения. Таким образом, положение в лучшем случае позволит получить компенсацию равной действительной стоимости доли лишь крайне ограниченному количеству акционеров. Хотя данное положение кажется попыткой найти баланс интересов между интересами общества и ее участниками, но само по себе значение в 10% представляется в литературе произвольным¹⁰⁴ и дисконтирующим объем защиты законных интересов участников корпорации. Вполне ожидаемо в таком случае предложение установить данное ограничение хотя бы в размере 25%¹⁰⁵. В этой же связи в отношении регулирования ООО представляется возможным обсуждать возможность уменьшения необходимого числа голосов для принятия решения о

¹⁰⁴ Аиткулов Т.Д. Правовое регулирование слияния и присоединения акционерных обществ по законодательству России и Германии: диссертация на соискание ученой степени к.ю.н. М., 2001. С. 104.

¹⁰⁵ См.: Кузнецов, указ. соч. С. 117.

реорганизации¹⁰⁶, которое на данный момент требует единогласия для принятия (абзац 2 пункта 7 статьи 37 Закона об ООО).

Втором возможным (потенциальным) примером данной категории способов защиты могла бы быть возможность потребовать взамен доли в реорганизуемом обществе не доли в реорганизованном обществе, а иного рода компенсации, что подлежит определению в порядке договоренности с каждым отдельным участником реорганизуемого общества. В данном случае речь может вестись о дисконтинуитете участия при реорганизации, но в рамках действующего правового регулирования в отечественном правовом порядке это является исключительно гипотетическим примером регулирования, в отличие от регулирования в американском корпоративном праве¹⁰⁷. Российский законодатель следует правовой традиции *civilian tradition* и реализует, хотя и без нормативного текстуального закрепления, принцип континуитета участия¹⁰⁸; несмотря на наличие необходимого доктринального основания, данный принцип все же с очевидностью лишает бизнес гибкости при достижении желаемой экономической цели в случае использования инструментария реорганизации

При этом континуитет участия сам по себе не должен рассматриваться как гражданско-правовой именно способ защиты, хотя именно в таком ключе о нем говорит профессор А.А. Кузнецов¹⁰⁹. Данное положение является проявлением самой сущности процедуры реорганизации, но само по себе не предоставляет участникам правомочия по активному действию для защиты своих прав и законных интересов. Точно также справедливость или несправедливость предполагаемой компенсации (конвертации) выступает гарантирующей нормой, которая требует реализации в более конкретных

¹⁰⁶ Кузнецов, указ. соч. С. 29.

¹⁰⁷ Так, в праве Соединенных Штатов Америки согласно *Model Business Corporation Act (2016)* при слиянии корпораций допускается предоставления эквиваленты в форме облигаций, иных ценных бумаг, либо денег или иного имущества (см.: Айткулов, указ. соч. С. 17).

¹⁰⁸ Например: Габов А.В. Обмен долей при реорганизации общества с ограниченной ответственностью в форме присоединения // Закон. 2020. № 3. С. 138-145.

¹⁰⁹ Кузнецов, указ. соч. С. 20.

положениях законодательства. Но для удобства изложения не будем далее столь строго следовать данному замечанию, поскольку вопрос о надлежащем информировании одинаково важен во всех рассматриваемых мерах, связанных с защитой прав и законных интересов пусть они будут называться хоть способами, хоть гарантиями защиты.

Во-вторых, следует выделить процедурные способы защиты, которые состоят в организации именно такого порядка проведения реорганизации и принятия решения о ней, который сам по себе предоставлял бы возможность участникам корпорации находится в положении большей защищенности с точки зрения соблюдения их прав и реализации их законных интересов.

В отечественном правовом порядке данная группа мер защиты проявляется в том, что принятие решения о реорганизации находится напрямую в пределах воли самих участников корпорации. Специальные законы о хозяйственных обществах относят принятие данного решения к исключительной компетенции общего собрания участников корпорации (пункт 2 статьи 33 Закона об ООО, пункт 1 статьи 48 Закона об АО), хотя при этом иногда допускается участие иного органа (например, совета директоров, см. пункт 2 статьи 20 Закона об АО), но при этом даже такой вовлеченностью не подменяется волеизъявление самих участников. С данным положением в конечном счете согласны все развитые правовые порядки¹¹⁰.

Иной возможной формой защиты при проведении реорганизации является появление фигуры третьего лица, которое было бы способно проконтролировать соблюдение принципа справедливости при проведении реорганизации с точки зрения предполагаемых юридических, имущественных и экономических последствий реорганизаций при предполагаемом плане ее совершения¹¹¹.

¹¹⁰ См. об этом положении в правовой традиции *civilian tradition*, например: *The Anatomy of Corporate Law: A Comparative and Functional Approach*, 3rd Edition. Oxford University Press, 2017. P. 184.

¹¹¹ Кузнецов, указ. соч. С. 19, 23.

В ряде европейских правовых порядков напрямую закреплена фигура эксперта (консультанта) для выполнения вышеуказанной функции¹¹². Правда, предел его полномочий ограничивается лишь вопросом справедливости или несправедливости предполагаемой конвертации, но он не имеет права и возможности исследовать экономическое значение решения о проведении реорганизации¹¹³. В данном смысле такое лицо оказывается сходным по своему положению с тем, которое Верховный Суд РФ приписывает судам при рассмотрении вопроса о квалификации решений членов органов управления в качестве совершенных не в интересах общества¹¹⁴.

Появление такого третьего лица представляется наиболее предпочтительным в качестве попытки разрешения проблемы информационной асимметрии между участниками и членами органов управления и менеджментом общества, но лишь при условии, что такой эксперт-консультант, во-первых, находился бы в полной мере бы на стороне самых участников корпорации, а, во-вторых, при этом бы обладал сведениями о деятельности общества и планируемой реорганизации в том же объеме и степени детализации, что и члены органов управления общества и его менеджмент. Такое третье лицо (1) не должно было бы иметь какой-либо личной заинтересованности в проведении реорганизации, но должно было бы (2) обладать достаточными экономическими, управленческими и юридическими знаниями и образованием и (3) назначаться по решению общего собрания участников и быть ответственным перед участниками общества. Именно при таком минимальном стандарте его процедурное положение позволило бы ему самостоятельно в полном объеме оценить предполагаемую процедуру реорганизации как справедливую или несправедливую. Но при нынешнем законодательном регулировании такое лицо представить сложно, хотя оно явно необходимо для преодоления

¹¹² Его положение напрямую закрепляется и определяется в статьях 96 и 142 Директивы Европейского парламента и Совета Европейского Союза № 2017/1132 «О некоторых аспектах корпоративного управления».

¹¹³ Chadeaux M. Les fusions de sociétés: régimes juridique et fiscal. 8e edition. Paris, 2016. P. 59.

¹¹⁴ См. абзац 2 пункта 1 Постановление Пленума ВАС РФ «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» № 62 от 30 июля 2013 года.

негативных последствий информационной асимметрии в условиях конфликта интересов. Как представляется, ближе всего по данному процедурному стандарту и функциям такой эксперт-консультант находится к положению арбитражного управляющего и существующих проявлений судебного контроля при банкротстве юридических лиц. Возможность передачи роли такого контролирующего эксперта во власть реализации судебной власти, как и появление фигуры эксперта-консультанта, должно оцениваться при всем вышесказанном с точки зрения инструментальной привлекательности процедуры реорганизации юридических лиц для участников гражданского оборота.

В конечном счете необходимо учитывать, что члены органов управления, в том числе при участии в той или иной степени в подготовке плана реорганизации, должны действовать добросовестно и разумно в интересах обществ, а наличие злоупотреблений в этом вполне подпадает под общий режим ответственности членов органов управления (статья 53.1 Гражданского кодекса РФ).

В-третьих, помимо имущественных и процедурных мер защиты участников корпорации следует выделить отдельную категорию информационных гарантий. Их более подробному рассмотрению в контексте всех вышерассмотренных мер защиты прав и законных интересов участников корпорации будет посвящен отдельный раздел ниже. Здесь же необходимо заметить, что информирование само по себе является общей гарантией прав и законных интересов участников корпорации, которая наполняет все остальные меры защиты участников.

Ликвидация, в отличие от реорганизации, представляет в некотором смысле меньшую возможность для возникновения конфликтов, которые бы затрагивали законные интересы участников корпорации.

Конечная цель ликвидации состоит в прекращении юридического лица (статья 61 Гражданского кодекса РФ). Несмотря на развитие представлений о

ней от того, что попросту исчезает оболочка корпоративной личности и обособленное имущество корпорации становится общим имуществом участников для цели ее последующего раздела после удовлетворения требований кредиторов¹¹⁵, вплоть до понимания того, что проведение рассматриваемой процедуры само по себе не должно изменять положение юридического лица, за исключением изменения направленности его деятельности, состоящей в достижении цели прекращения существования¹¹⁶; в любом случае, общую доктрину о ликвидации возможно сформулировать следующим образом: все требования кредиторов должны быть удовлетворены, что означает «завершения» дел корпорации, а участникам должна быть передана пропорциональная часть оставшегося имущества корпорации после «завершения» ее деятельности (ликвидационная квота). При этом правопреемства в имущественных правоотношениях при ликвидации по определению нет, а значит нет места потребности соизмерять имущественное положение при существовавшей корпоративной структуре и при той структуре, что возникает в результате проведения процедуры; отсюда закономерно не возникает вопрос вроде справедливости предполагаемого порядка конвертации прав участия и экономического эффект от принятия решения «за» проведение рассматриваемой процедуры или все же принятия решения о выходе из корпорации и не участия в новой корпоративной структуре (как это имеет место при реорганизации). По большому счету вся проблема процедуры ликвидации сводится к вопросам удовлетворенности всех требований кредиторов, того удовлетворены ли они в надлежащем причитающем объеме и предусмотренной очередности, что в свою очередь напрямую предопределяет возможность для участников корпорации получить причитающийся им размер ликвидационной квоты (пункт 8 статьи 63 Гражданского кодекса РФ).

¹¹⁵ См.: Pardessus J.-M. Cours de droit commercial. T. 2. Nouvelle. Bruxelles: belge de librairie, 1822. P. 452-453.

¹¹⁶ Bourguet A. Du caractère juridique de la liquidation d'une société commerciale. P. 91-94.

Продолжим показательное сравнение с вопросом конвертации прав участия при континуитете участия или гипотетической компенсации иного рода при реализации дисконтинуитета участия. При реорганизации вопрос определения такой компенсации носит субъективный характер, будучи определяемым с точки зрения оценки рыночной конъюнктуры: конвертация в форме «одна акция за одну акцию» или «пять акций за одну акцию» или «пять рублей за одну акцию» – содержание всех этих вариантов основано на предварительной экономической оценке на момент принятия решения о проведении реорганизации относительно вероятного положения в будущем, если реорганизация будет или не будет проведена. Именно здесь возникает серьезная проблема усмотрения при недостаточности сведений. При ликвидации предел подобной усмотрительности сокращается существенным образом: существуют требования кредиторов, которые должны быть удовлетворены обществом за счет его имущества; в случае, если имущество окажется дороже по балансу определенной суммы, то установлен порядок его продажи с публичных торгов, чтобы получить денежные средства, которые являются универсальным и в этом смысле объективным эквивалентом имущества (пункт 4 статьи 63 Гражданского кодекса РФ); после удовлетворения требований из того имущества, что останется в конечном счете, участники имеют право на получение пропорциональной объему участия части такого имущества (пункт 8 статьи 63 Гражданского кодекса РФ).

По этой причине главной гарантией защиты прав участников корпорации при ее ликвидации является процедурная гарантия, связанная с составлением ликвидационного баланса, в котором бы надлежащим образом отражались все существующие требования к обществу, после удовлетворения которых стало бы возможным надлежащее удовлетворение имущественных ожиданий участников. Данная задача кажется потенциально намного более транспарентной, нежели чем решение задач при реорганизации корпорации, однако именно в рамках процедуры ликвидации появляется фигура ликвидатора (ликвидационной комиссии), которого возможно сопоставить

mutatis mutandis с положением третьего лица (эксперта-консультанта) в европейских правовых порядках в рамках реорганизации. Ликвидатору переходят полномочия по управлению делами юридического лица (пункт 4 статьи 62 Гражданского кодекса РФ), а существует он исключительно для достижения цели прекращения корпорации (пункт 3 статьи 62 Гражданского кодекса РФ); его необходимость исторически объясняется попыткой как раз преодоления негативных эффектов от возникновения предполагаемых конфликтов интересов участников корпорации: «поскольку ликвидатору предстоит раздел имущества, это увеличивает риск противоречий между участниками, что якобы делает полезным дать участникам еще раз возможность избрать лицо, которому они доверяют»¹¹⁷.

Поскольку выше уже было замечено, что при ликвидации нет места такого рода конфликтам интересов на фоне существования информационной асимметрии по сравнению с реорганизацией общества, а имущественные последствия от этой процедуры оказываются наиболее прогнозируемыми¹¹⁸, то при ликвидации как раз нет потребности в существовании подобного третьего лица. В этом смысле необходимо согласиться с точкой зрения профессора А.А. Кузнецова, который поддерживает исключение фигуры ликвидатора, поскольку по характеру своей деятельности он сближается с ординарными исполнительными органами общества, который так и так обязан действовать в интересах общества (в том числе, пусть в отраженном виде, но все же и в интересах участников корпорации) при учете интересов кредиторов общества¹¹⁹.

В отношении ликвидации при этом существует следующая процедурная гарантия, которая аналогична порядку проведения реорганизации: решение о ликвидации, как и решение о назначении ликвидатора общества и об

¹¹⁷ Кузнецов, указ. соч. (статья). С. 40.

¹¹⁸ Как представляется, единственной потенциальной неопределенностью может быть лишь ситуация, когда уже после ликвидации корпорации обнаруживается ранее не найденное имущество, а соответственно необходимость приступить вновь к его распределению (п. 5.2 статья 64 Гражданского кодекса РФ).

¹¹⁹ Кузнецов, указ. соч. (статья). С. 75.

утверждении ликвидационного баланса находится полностью в пределах воли участников корпорации и является исключительной компетенции общего собрания участников общества (пункт 2 статьи 33 Закона об ООО, пункт 1 статьи 48 Закона об АО; статья 62 Гражданского кодекса РФ). При этом также сохраняется правило, что в АО для принятия решения о ликвидации все так же требуется три четверти голосов акционеров, участвующих в заседании или заочном голосовании, как и в случае принятия решения о реорганизации (пункт 4 статьи 49 Закона об АО).

По поводу имущественных способов защиты прав и законных интересов участников корпорации при ликвидации необходимо обратить внимание, что в отношении них участникам предоставляется меньший объем способов для реализации своих прав и защиты законных интересов, поскольку несмотря на примеры рассмотрения в доктрине ликвидации в качестве того, что не может влиять на деятельность общества, но лишь специализирует цель ее деятельности направленностью на то, чтобы прекратить существование корпорации, проявляется про-кредиторское отношение к ликвидации, выражаемое в представлении, что имущественная сфера корпорации должна быть заморожена до завершения процедуры ликвидации и удовлетворения требований кредиторов. Отсюда появляются рассуждения в доктрине о недопустимости, в том числе, принятия решения о выходе из состава участников общества или о выплате дивидендов после того, как общество вошло в процесс ликвидации¹²⁰.

В отличие от реорганизации при ликвидации не предусмотрены положения вроде права по статье 75 Закона об АО, предоставляющих право заявить к выкупу доли, принадлежащие участнику, который голосовал против либо не принимал участия в голосовании по вопросу ликвидации корпорации. Отсутствие такого регулирования, как представляется, является также отражением представления, что ликвидация имеет своей конечной целью

¹²⁰ См.: Muñoz Martín N. La disolución y el derecho a la cuota de liquidación en la sociedad anónima. Valladolid, 1991. P. 337.

справедливое распределение того имущества, которым обладало общество на момент принятия соответствующего решения в рамках про-кредиторского подхода. Однако в случае принятия такой логики остается без объяснения отсутствие предусмотренного запрета на выход из состава участников ООО в случае принятия решения о ликвидации.

В любом случае, если подобные решения будут приняты в период ликвидации и в итоге это приведет к тому, что общество не будет обладать достаточными средствами для того, чтобы удовлетворить все требования кредиторов, то в таком случае процедура ликвидации перейдет в форму банкротной ликвидации (абз. 2 пункта 4 статьи 63 Гражданского кодекса РФ), которая будет непосредственно и во всем своем объеме реализовывать защиту интересов кредиторов корпорации¹²¹.

Информационная составляющая при защите прав участников и кредиторов корпорации будет рассмотрена далее относительно всех вышеприведенных мер защиты при ликвидации корпорации, но здесь важно сказать следующее о ней относительно ее положения при ликвидации: возможных конфликтов интересов, которые были бы порождены незащищенностью в связи с информационной асимметрией, при ликвидации не наблюдается, или, во всяком случае, наблюдается в намного меньшем объеме, чем при реорганизации корпорации.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, представляется возможным указать на следующие ключевые положения, выступающие основанием для всего последующего исследования:

1. Способы защиты прав и законных интересов участников корпорации при ее реорганизации и ликвидации могут быть подразделены на следующие категории:

¹²¹ Кузнецов, указ. соч. (статья). С. 43.

(1) процедурные способы защиты, которые состоят в создании таких условия, порядка и очередности принятия решения о реорганизации или ликвидации, а также каких-либо иных вопросов при проведении данных процедур, при которых решения с наименьшей вероятностью приобретут характер злоупотребления. К данной категории относится: закрепление принятия решений о ликвидации и о реорганизации в качестве исключительной компетенции общего собрания участников корпорации, необходимость квалифицированного большинства для их принятия; а также потенциальная или насущная фигура контролирующего справедливость при проведении данных процедур лица (с которым может быть отождествлена фигура ликвидатора по российскому праву и положение эксперта-консультанта в европейских правовых порядках), который призван снизить риск наступления негативных последствий вследствие конфликта интересов при информационной асимметрии.

(2) имущественные способы защиты, которые выражаются в возможности для участника корпорации получить гарантированную имущественную компенсацию в случае несогласия с проводимой процедурой или в качестве результата такой процедуры. К данной категории относится требование о выкупе акций в порядке статьи 75 Закона об АО, а также право на получение ликвидационной квоты при прекращении юридического лица; также сюда возможно относить гипотетические для российского правового порядка компенсаторные механизмы дисконтинуитета участия в корпорации при реорганизации. Данный инструментарий направлен на минимизацию экономических потерь участников корпорации в условиях, когда последствия проведения данных процедур оказываются необратимыми с точки зрения изменения корпоративной структуры. Как было отмечено, такие решения участники вынуждены приминать в условии дефицита сведений, необходимых для принятия осознанного экономического решения.

(3) информационные гарантии в свою очередь связаны с необходимостью и обязанностью предоставлять такие сведения участникам в преддверии

принятия соответствующего решения о ликвидации или реорганизации или в процессе данных процедур, которые пригодны для цели формирования осознанного волеизъявления участниками и кредиторами корпорации и возможности надлежащей реализации предусмотренных способов защиты их прав и законных интересов при проведении рассматриваемых процедур. Информирование в данном случае выступает не самостоятельной целью, а условием эффективности реализации как процедурных, так и имущественных средств защиты.

2. Информирование оказывается принципиальным содержательным аспектом всей принятой системы способов защиты, поскольку при условии надлежащего именно информирования участников устраняется или, по крайней мере, снижается структурная информационная асимметрия между группами вовлеченных субъектов при условии неодинаковости их интересов. Без надлежащего информирования участник не имеет возможности достаточно корректно оценить последствия реорганизации или ликвидации, а следовательно и осознано воспользоваться всеми теми способами защиты, которые были рассмотрены выше.

3. Существующие различия между реорганизацией и ликвидацией с точки зрения анализа потенциальных конфликтов интересов и влияния информационной асимметрии предопределяет различную интенсивность и направленность мер защиты прав и законных интересов участников корпорации. При реорганизации ключевое значение приобретают способы митигирования информационной асимметрии на фоне конфликта интересов мажоритариев и миноритариев, а также между участниками и органами управления и менеджментом корпорации, что усиливает значение процедурных мер защиты и информационных гарантий. При ликвидации же основным становится корректность удовлетворения требований кредиторов и формирования ликвидационного баланса, отражающего правильным образом объем причитающегося имущества участникам корпорации; в связи с этим критичным становится надлежащее соблюдение формальной процедуры по

информированию кредиторов корпорации о ее ликвидации, о чем будет сказано далее. Таким образом защита прав и законных интересов участников в рамках рассматриваемых процедур строится на единой методологической основе, хотя конкретная реализация и принятые акценты в регулировании различаются по причине неоднородности объема потенциальных конфликтов интересов в условиях информационной асимметрии.

Таким образом, в рамках дальнейшего исследования необходимы будет учитывать следующие соображения: во-первых, возможно выделить три категории способов защиты прав и законных интересов при ликвидации и реорганизации – процедурные, имущественные и информационные меры; во-вторых, рассмотрение вопросов реализации способов защит необходимо предварять анализом потенциальных конфликтов в условиях информационной асимметрии между различными группами вовлеченных субъектов; в-третьих, процедура реорганизации представляет больший потенциальный риск правам и законным интересам участников, нежели чем процедура ликвидации.

§ 2. Защита кредиторов корпорации при реорганизации и ликвидации

В частном праве, в рамках структуры обязательственных правоотношений, существует известное напряжение между интересами должника и кредитора. Если не принимать на веру законодательный призыв к должнику надлежащим образом исполнить принятые обязательства перед кредитором¹²², то следовало бы заключить, что интересам должника отвечает отсутствие необходимости все же исполнять обязательство, если такая необходимость не влечет за собой для него самого значительные закономерные издержки; интересы кредитора же в том, чтобы все же получить надлежащее исполнение от должника¹²³. Неизбежность данного конфликта интересов не может не влиять на первоначальную оценку кредитором рисков вступление в правоотношения с конкретным должником¹²⁴, а также обуславливает необходимость установление специальных положений, выступающих гарантией достижения кредитором реализации своего интереса без дополнительного обременения должника¹²⁵.

Возникающий в таком случае потенциальный конфликт интересов является основанием для установления способов защиты прав и законных интересов кредиторов корпорации: если участники могут даже допускать меньший эффект от реорганизации или в большей степени рисковать имущественным положением корпорации, поскольку в конечном счете именно они являются бенефициарами от осуществления обществом предпринимательской деятельности; то кредитор же в любом случае оказывается связанным риском, что экономический результат от того или иного решения окажется в итоге проигрышным с имущественной точки

¹²² Гражданское право: учебник. В 2 т. / Под ред. Б.М. Гонгало. Т. 2. 2-е изд. М., 2017. С. 40.

¹²³ Paulus C.G. The Eternal Struggle for Supremacy between Creditor and Debtor // *Juridica International*. № 31, 2022. P. 64.

¹²⁴ Беляев, указ. соч. С. 94.

¹²⁵ Иное означало бы нарушение принципа справедливости, так как никто не должен принимать дополнительное бремя на себя за просто так (см. подобное рассуждения, например: Шиткина (отв. ред.), указ. соч. Т. IV. С. 416).

зрения, что, собственно, характеризует предпринимательский риск (статья 2 Гражданского кодекса РФ)¹²⁶.

В данном случае ключевым соображением остается то, что реорганизация носит неизгладимый эффект с точки зрения субъектного состава должников и корпоративной структуры по сравнению с ординарной ситуацией в деятельности хозяйственного общества; при этом решения кредиторы все так же вынуждены принимать в ситуации недостаточности сведений для совершения осознанного экономического поведения. В доктрине долгое время предпринимались попытки поиска формальных оснований защиты прав и законных интересов кредиторов при реорганизации¹²⁷, но подобная дискуссия представляется для современного права избыточной и в большей мере являющейся отголоском догматической формы юридического мышления.

При реорганизации корпорации современное российское законодательство предоставляет имущественные и информационные гарантии при проведении данной процедуры.

По поводу имущественных гарантий прав и законных интересов кредиторов необходимо рассматривать в первую очередь их право потребовать досрочного исполнения обязательств (акселерация долга), а при невозможности досрочного исполнения – право потребовать прекращения данного обязательства наряду с возмещением понесенных вследствие такого прекращения убытков (пункт 2 статьи 60 Гражданского кодекса РФ). Закономерными в данном случае являются попытки оценить соблюдение балансов интересов кредиторов, с одной стороны, и участников и самого общества, с другой стороны; поскольку данное положение в российской доктрине традиционного воспринимается чрезмерной и избыточной

¹²⁶ В этом их положение синонимично положению акционеров, по поводу которого КС РФ отмечал следующее: они хоть и не осуществляют в силу участия предпринимательской деятельности, их деятельность всегда несет на себе «определенные экономические риски, поскольку само акционерное общество предпринимательскую деятельность осуществляет» (абзац 2 пункта 3 Постановление КС РФ № 3-П от 24 февраля 2004 года).

¹²⁷ Например, по причине невозможности замены должника по обязательствам без согласия кредитора по такому обязательству. См.: Кузнецов, указ. соч. (докторская диссертация). С. 149-150.

предполагающей чрезмерный прокредиторский подход по формальной причине, которая состоит попросту в самом начале процедуры реорганизации¹²⁸. Было замечено также, что реорганизация при определенных своих формах вовсе может не влечь нарушение имущественных прав и законных интересов кредиторов, например, при форме «присоединения» в силу универсального правопреемства объем имущественной сферы должника вероятнее всего наоборот увеличится¹²⁹. Между тем, признавая логичность данного аргумента, необходимо заметить, что даже в подобных ситуациях при «присоединении» потенциально возникает конфликт интересов между иной группой вовлеченных субъектов, а именно: между кредиторами присоединяемого общества и кредиторами присоединяющего, если имущественное положение второго оказывается значительно лучше, чем положение первого, которое может быть предельно закредитованным, например¹³⁰. Данное обстоятельство делает необходимым установление способов защиты прав и законных интересов кредиторов всех обществ, участвующих в процедуре реорганизации. Возможность осознанного заявления требования об акселерации долга продиктована теми сведениями, которые были сообщены кредиторам по поводу текущего экономического положения должника-корпорации и которые позволяют сделать наиболее верный вывод о том в каком имущественном положении окажется корпорация по итогам реорганизации.

Для полноты рассмотрения имущественной категории способов защиты прав и законных интересов кредиторов при реорганизации необходимо сказать, что кредиторам может быть предоставлено достаточное обеспечение их требований, благодаря чему гарантируется достижение ими законных интересов в условиях правопреемственности (пункт 2 и пункт 4 статьи 60

¹²⁸ Аиткулов Т.Д. Указ. соч. С. 94-95.

¹²⁹ Кузнецов, указ. соч. (докторская диссертация). С. 184.

¹³⁰ Например, в мае 2025 года в результате присоединения ПАО Банк «Финансовая корпорация Открытие» к АО «БМ-Банк» (дочерняя структура ПАО Банк «ВТБ») позволило последней, в том числе, ранее запланированного срока выйти из процедуры финансового оздоровления (санации) // ULR: <https://tass.ru/ekonomika/20032075>.

Гражданского кодекса РФ, пункт 6 статьи 15 Закона об АО, пункт 5 статьи 51 Закона об ООО). Гарантией их прав и законных интересов при реорганизации является также положение о солидарной ответственности как юридических лиц, которые были созданы в результате реорганизации, так и тех лиц, которые имели фактическую возможность определять действия реорганизованных юридических лиц, членов коллегиальных органов и лиц, уполномоченных выступать от имени реорганизованного лица в случае, если кредитор, потребовавшему акселерации долга, не было предоставлено соответствующего исполнение, не были возмещены убытки и не предложено достаточное обеспечение (пункт 3 статьи 60 Гражданского кодекса РФ). Данная гарантия связана с историческим представлением о том, что реорганизация для кредиторов не влечет какого-либо последствия относительно их правоотношений, которые остаются как бы в той же форме, том же объеме и том же содержании, как если бы никакой реорганизации не проводилось¹³¹. При этом в отличие от регулирования имущественных способов защиты участников при реорганизации, в отношении прав кредиторов не установлено ограничений на объем имущественной сферы общества, что может быть затронут при реорганизации (напомним, что в отношении права участников потребовать выкуп принадлежащим им акций существует ограничение в пункте 5 статьи 76 Закона об АО).

В отличие от процедурных гарантий прав и законных интересов участников при реорганизации, которые, как отмечалось выше состоит в таком построении самого порядка реорганизации, которое позволяет само по себе гарантировать принятие наиболее справедливого решения, по отношению к кредиторам процедурная категория способов защиты выражена намного слабее или она вовсе должна быть признана отсутствующей, по причине того, что кредиторы не являются сторонами корпоративных процедур в силу существования иного правоотношения между ними и корпорацией. Как

¹³¹ См.: Кузнецов, указ. соч. С. 150.

представляется, вполне возможно рассматривать как пример данной категории в отношении кредиторов лишь только обязательный судебный порядок рассмотрения требования кредиторов об акселерации долга (пункт 2 статьи 60 Гражданского кодекса РФ).

В литературе данное положение оценивается некоторыми авторами, наряду с самой возможностью потребовать акселерации долга при реорганизации, как нечто избыточное¹³². Однако историческая роль суда в данном случае является скорее проявлением общего представления о том, что с позиции правопорядка достижение справедливости наиболее полным образом возможно именно и лишь посредством судебной процедуры.

Данный подход, хоть и может быть признан необходимым для защиты прав и законных интересов кредиторов корпорации и самой корпорации, но он должен признаваться в той же мере избыточным, в котором он признается таковым в отношении гарантий защиты участников корпорации, на что уже было обращено внимание выше, что может дисконтировать возможность применения процедуры реорганизации на практике¹³³. Более подходящим в данном случае является скорее возможность кредиторам воспользоваться общим порядком защиты путем заявления требований о взыскании убытков, если все же не удалось достигнуть желаемого результата от акселерации долга.

Также в качестве процедурной гарантии в данном случае было бы возможно рассмотреть вопрос установления режима априорной защиты с блокирующим эффектом, при котором реорганизации не может быть завершена до тех пор, пока не будут удовлетворены требования всех тех кредитора, что заявили требование об акселерации долга. Данная модель кажется в наибольшей степени отвечающей поиску баланса интересов, поскольку, с одной стороны, делает возможным для реорганизуемого общества заранее оценить объем заявляемых требований к досрочному

¹³² Кузнецов, там же. (докторская диссертация). С. 187-188.

¹³³ Кузнецов, указ. соч. С. 6.

исполнению¹³⁴; с другой стороны, не позволяет совершить настолько неизгладимое действие без предварительного решения вопроса об удовлетворении заявленных требований кредиторов.

Режим апостериорной же защиты основан во многом на том представлении, что реорганизации не имеет значения для существующих правоотношений между кредиторами и корпорацией; однако он во многом лишен вышеприведенных преимуществ, связанных с возможностью предварительного решения вопроса о заявлении требований об акселерации долга, если определенные последствия реорганизации воспринимаются отдельными кредиторами как не соответствующие их экономическим ожиданиям от исполнения существующего обязательства. Вполне закономерно поэтому, что почти во всех известных правовых порядках *civilian tradition* укоренился именно априорный подход¹³⁵.

Контраргументы к установлению именно модели априорной защиты вроде того, что это он усложняет процедуру реорганизации, вряд ли возможно принять во внимание, так как суть в удовлетворении именно того объема требований, требований тех кредиторов, что считают свои законные интересы потенциально нарушаемыми и не имеют при этом какого-либо обеспечения исполнения перед ними обязательств общества. Те же кредиторы, что имеют обеспечения своих обязательств и при этом полагают, что в результате реорганизации их интерес окажется менее защищенным, чем в положении до совершения реорганизации, то они удовлетворяют в самом ординарном порядке свой интерес из имущества реорганизованных юридических лиц в силу универсального правопреемства.

При исследовании информационных гарантий прав и законных интересов кредиторов при реорганизации необходимо учитывать в первую очередь то, что информационный обмен между корпорацией и ее кредиторами носит

¹³⁴ Кузнецов, указ. соч. С. 166.

¹³⁵ См. об этом: Аиткулов, указ. соч. С. 96.

меньший объем в силу природы существующих между ними правоотношений. Если не принимать во внимание возможность установления в договоре информационных ковенант, то исключительно в порядке законодательного регулирования в общем случае кредиторы не имеют права потребовать предоставления им информации о деятельности общества и документах, сопровождающих принятия решений, связанных с осуществлением им деятельности.

Эта проблема касается не только денежных требований, но, например, требований об оказании определенных услуг, когда нет возможности в общем порядке потребовать информацию о том обладает ли контрагент в данный момент достаточными ресурсами для исполнения обязательства, что может иметь важное значение, если интересам кредитора необходимо, чтобы обязательство было исполнено именно в срок, например, если такое исполнение находится в цепочке иных исполнений для достижения конечного экономического эффекта. При этом наличие подобной информации будет скорее подводить к выводу о необходимости, в том числе, например, заявления требования об акселерации долга или прекращения обязательства досрочно с требованием о взыскании убытков, если становится понятно, что обязательство не может быть надлежащим образом исполнено в необходимый срок¹³⁶.

С другой стороны, для того рода ситуаций вернее было бы воспользоваться инструментарием информационных конвент, поскольку данный пример представляется полностью укладывающимся в рамки принципа свободы договора. Однако в отношении подобной ситуации при реорганизации всякий кредитор оказывается обязанным заранее предусматривать в договоре информационные ковенанты на случай реорганизации общества для цели получения информации, необходимой для принятия осознанного решения об акселерации долга. Между тем такой

¹³⁶ Беляев, там же.

подход с политико-правовой точки зрения представляется в меньшей степени правильным по сравнению с возможным установлением в законодательстве специального требования о предоставлении информации в преддверии или после принятия решения о ее проведении: помимо того, что этим усложнится всякий преддоговорных этап, поскольку будет необходимо вырабатывать положения об информационных конвентах, так еще и нельзя признать справедливым отсутствие установленного в законе базового содержательного стандарта информирования кредиторов при реорганизации всех корпораций. Действующее законодательство специального порядка предоставления информации для кредиторов корпорации о существовании тех обстоятельств, что имеют значение для оценки экономических последствий реорганизации – не предусматривает¹³⁷.

В отношении ликвидации, заметим, что действующее регулирование в отношении защиты прав и законных интересов кредиторов корпорации не находит поддержки в тематической литературе последних лет. Так, И.С. Чупрунов и профессор А.А. Кузнецов поддерживают общий вывод о том, что ликвидация не должна влечь за собой какого-либо влияния на правоотношения с кредиторами, поскольку суть ликвидации состоит лишь в специализации основной деятельности в смысле ее направленности именно на прекращение юридического лица.

Действующее же регулирование ликвидации, при котором решение о ней приводит к акселерации обязательств общества (пункт 4 статьи 61 Гражданского кодекса РФ) и прекращению исполнительного производства, когда исполнение перед кредиторами становится возможным лишь в определенном законодателем порядке исполнения (пункт 1 статьи 64 Гражданского кодекса РФ), возможно признать примером смещения

¹³⁷ Кузнецов, указ. соч. (докторская диссертация). С. 172

правового регулирования банкротного прекращения корпорации и ординарного¹³⁸.

Однако нельзя согласиться с выводом авторов, что в установлении такого законодательного порядка исполнения требований кредиторов существует некое избыточное регулирование: если имущественная конъюнктура приведет в итоге к тому, что не все требования кредиторов смогут быть удовлетворены в ординарном порядке и общество вынуждено будет перейти в банкротную процедуру, то все равно будет желательно, чтобы права кредиторов наиболее значимых очередей (главным образом перед гражданами за причинение вреда жизни или здоровью) были бы удовлетворены в наибольшем объеме в первую очередь. В этом проявляется как раз принцип защиты слабой стороны при ликвидации юридического лица.

К категории процедурным способов защиты прав и законных интересов кредиторов при ликвидации все также следует относить фигуру ликвидатора, который по идее должен быть в определенной степени обособлен от участников корпорации, представляя в большей степени интересы кредиторов корпорации¹³⁹. Однако, А.А. Кузнецов подвергает справедливой критике данное представление, указывая, что органы управления должны учитывать интересы кредиторов при принятии в целом каких-либо решений¹⁴⁰, что следует из дуалистического принципа природы обязательств, явного выраженного в зарубежной доктрине¹⁴¹.

Того, кого действительно возможно назвать лицом, функционирующим не только именно в интересах участников, но и в интересах кредиторов общества в равной мере, так это арбитражного управляющего. Однако в случае проведения ординарной ликвидации риск для прав и законных интересов кредиторов еще не оказывается в той степени кристаллизации для появления

¹³⁸ Чупрунов И.С. Влияние ликвидации юридического лица на его обязательства // Вопросы частного права: сборник статей к 50-летию юбилею А. А. Павлова / сост. и отв. ред. А.Г. Карапетов, Т.А. Саргсян. М., 2024. С. 15; Кузнецов, указ. соч. (статья). С. 78.

¹³⁹ Чупрунов, указ. соч. С. 68-69.

¹⁴⁰ Чупрунов, указ. соч. С. 77.

¹⁴¹ Кузнецов (докторская диссертация), указ. соч. С. 157.

данной фигуры; тогда же, когда риск окажется достаточно кристаллизован на деле это будет означать переход общества в банкротную процедуру, где будет закономерно и появление фигуру арбитражного управляющего.

По поводу информационной категории защиты прав кредиторов корпорации при ее ликвидации также необходимо отметить, что они носят незначительный характер, что закономерно меньшей опасности информационного конфликта при проведении данной процедуры; об этом еще будет сказано отдельно ниже.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, представляется возможным указать на следующие ключевые положения, выступающие основанием для всего последующего исследования:

1. Защита прав и законных интересов кредиторов при реорганизации и при ликвидации имеют различную природу и различные основание существования, поскольку кредиторы не являются сторонами корпоративных правоотношений и не участвуют в процедурах формирования воли корпорации и принятия решения о ее реорганизации или ликвидации, поэтому с его точки зрения процедурные способы защиты прав и законных интересов выражены слабее в сравнение с участниками; способы их защиты в основном сводятся к имущественным гарантиям, направленным на сохранении надлежащей защищенности их законного интереса, связанного с надлежащим исполнением обязательства, главным образом, право требовать акселерации долга в случае принятия решения о проведении реорганизации и установление порядка удовлетворения требований кредиторов при ликвидации. Важнейшее значение приобретают информационные гарантии и установление порядка информирования кредиторов в случае принятия решения о реорганизации или ликвидации корпорации.

2. Несмотря на установленное в законодательстве положение об универсальном правопреемстве при реорганизации, это само по себе не устраняет возможный риск ухудшения действительной защищенности прав и

законных интересов кредиторов корпорации, поскольку реорганизация изменяет имущественную массу и корпоративную структуру должника, что порождает конкуренцию между кредиторами всех участвующих в реорганизации юридических лиц и тем самым создается ситуация, в которой кредиторы объективно нуждаются в специальных механизмах реагирования для защиты их прав и законных интересов. Более того необходимо учитывать существование общего напряжения между интересами кредитора и должника в частном праве, что служит конкретным основанием для возможности проконтролировать процедуру справедливости реорганизации, что требует обладания достаточной и корректной информацией как о деятельности корпорации, так и о подоплеке принятого решения.

3. Информационная гарантия прав и законных интересов кредитора при реорганизации и ликвидации проявляется в более ограниченном виде, но при этом имеет юридически-значимое оформление. При действующем регулировании кредитор в общем случае не обладает правом требовать предоставления от своего должника информации о его деятельности, поскольку не состоит в корпоративных правоотношениях; однако действующее правовое регулирование также не дает кредитору никакого законного инструментария по получению сведений, которые необходимы при реорганизации для принятия осознанных решений по поводу будущего существующих правоотношений. Действующее регулирование главным образом концентрируется на порядке надлежащего уведомления кредиторов о принятии решения о реорганизации или ликвидации корпорации.

Таким образом, в рамках дальнейшего исследования необходимы будет учитывать следующие соображения: во-первых, кредиторы не являются сторонами корпоративных правоотношений, что означает невозможность их включения в процедуру формирования воли и информационный обмен при принятии решения о реорганизации; во-вторых, в этой связи ключевым вопросов при нынешнем регулировании

является надлежащее уведомление кредиторов о принятии решения о проведении рассматриваемых процедур.

ГЛАВА III. ИНФОРМАЦИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ УЧАСТНИКОВ И КРЕДИТОРОВ КОРПОРАЦИИ ПРИ РЕОРГАНИЗАЦИИ И ЛИКВИДАЦИИ

§ 1. Информационный обмен при реорганизации и ликвидации

Выше при анализе установленной в отечественном правовом порядке системы защиты прав и законных интересов участников и кредиторов корпорации при ее реорганизации и ликвидации был сделан вывод о значении информационной асимметрии как о детерминанте потенциальной угрозы нарушения таких прав и законных интересов из-за коллидирующего сопоставления интересов различных групп участников и кредиторов, которые вовлечены в определенной степени интенсивности в процедуру реорганизации и ликвидации корпорации¹⁴². Также ранее была обоснована необходимость признания информационного обмена как конституирующего элемента всех социальных взаимодействий, включая те, что имеют юридическое значение и признаются правоотношениями, при этом сама категория информации должна рассматриваться при учете всех возможных ее обособленных и значимых для правового порядка проявлений¹⁴³.

На пересечении данных идей возникает необходимость более конкретного исследования того, какое именно значение категория информация приобретает при проведении рассматриваемых процедур и как надлежащее конструирование информирования способно восполнить выявленные выше недостатки имеющей место системы защиты права и законных интересов участников и кредиторов. Иными словами, поскольку ранее проблема асимметрии при информационном обмене была обозначена в качестве источника потенциального нарушения, то в настоящем параграфе покажем каким образом информирование оказывается или может оказаться

¹⁴² См. стр. 54-55 настоящего исследования.

¹⁴³ См. стр. 39 и 40 настоящего исследования.

инструментом преодоления указанных дополнительных рисков и уменьшение известного напряжения между интересами различных групп¹⁴⁴.

В свою очередь понятие «информирование» будет далее использоваться в качестве термина, охватывающего совокупность значимых для юриспруденции актов юридического обмена, сопровождающих реорганизацию и ликвидацию. В контексте ранее предложенной классификации проявлений информации следует рассмотреть информирование как явление, включающее в себя следующие три взаимосвязанных аспекта и примыкающие к ним проблемные вопросы с точки зрения защиты прав и законных интересов участников и кредиторов корпорации.

Во-первых, информация выступает в объектном проявлении как насущный предмет отношений между участниками, кредиторами и корпорацией. Именно в данном случае наиболее явно прослеживается конфликтная природа асимметрии в информационном обмене, так что подлежат рассмотрению следующие вопросы: какие именно сведения о планируемой реорганизации или ликвидации должны быть доведены до участников и кредиторов; в какой именно форме они должны представляться и при какой степени детализации; как при этом не переступить к возможному нарушению интересов корпорации с точки зрения ее коммерческого развития¹⁴⁵; как следует оценить принятый ныне в российском законодательстве нормативный ответ на данные вопросы и какого рода совершенствование закона возможно предложить в данном случае; какие правовые позиции можно найти в судебной практики российских судов и возможно ли говорить о хоть каком-то внимании к данной проблеме со стороны судебной практики? При данной точке зрения информация рассматривается в своем объектом проявлении.

¹⁴⁴ См. по вопросу конфликта интересов стр. 58-59 настоящего исследования.

¹⁴⁵ На эту проблему обращается внимание в литературе, например, см.: Кузнецов, указ. соч. (докторская диссертация). С. 177.

Во-вторых, информация должна быть рассмотрена с точки зрения ее места в юридическом составе соответствующих правоотношений, возникающих при реорганизации и ликвидации в том числе в контексте защиты прав и законных интересов в первую очередь кредиторов корпорации. В этой связи представляют любопытство следующие вопросы: каким образом факт публикации сведения, направления уведомления или иной формы предоставления сведений порождает динамику правоотношений участников и кредиторов корпорации; какая именно форма для указанного предоставления информации предоставляется наиболее приемлемой с точки зрения защиты прав и законных интересов участников и кредиторов корпорации, особенно в контексте исторического развития данных положений в российском правовом порядке. При данной точке зрения информация рассматривается в своем фактическом проявлении.

В-третьих, информирование предполагается общей гарантией возможности защиты прав и законных интересов участников и кредиторов корпорации при ее реорганизации и ликвидации в силу самой фундаментальной роли информации как констатирующей социальные отношения единицы обмена (взаимодействия), что подразумевает оценку следующих факторов: как правовой порядок определяет презумпции осведомленности и насколько они соотносятся с действительной возможностью адресата воспринять их надлежащим образом; какие факторы следует учитывать при определении добросовестности информационного обмена в рамках процедуры реорганизации и ликвидации; какие перспективные формы организации корпорации возможно предположить с точки зрения в том числе преодоления информационной асимметрии как детерминанты повышения риска нарушения прав и законных интересов; какова объяснительная способность информационно-коммуникативной школы права при исследовании вопросов реорганизации и ликвидации корпорации? При данной точке зрения информация рассматривается в своем онтологическом проявлении.

Ответ на вышеприведенные вопросы в рамках настоящего параграфа даст возможность достичь цели настоящего исследования: представить исчерпывающее, систематизированное и доктринализированное представление о порядке информирования при осуществлении процедур реорганизации и ликвидации корпорации на основе оригинального обоснованного определения информации как правовой категории в контексте существующей системы защиты прав и законных интересов участников и кредиторов корпорации в рамках рассматриваемых процедур.

§ 2. Проблемы содержания информации при реорганизации и ликвидации

Принятый в российском правовом порядке объем предоставления информации о реорганизации общества давно подвергается справедливой критике в доктрине и характеризуется как непрозрачный¹⁴⁶. Закономерным этому является вывод о том, что при существующей форме и степени детализации предоставляемой при реорганизации информации участниками и кредиторами общества не достигается необходимой степени защиты их прав и законных интересов¹⁴⁷. Действительно, формулировка положения пункта 1 статьи 65.2 Гражданского кодекса РФ не дает какого-либо указания на то, что участники корпорации обладают информационными правами особого объема при рассмотрении вопроса о реорганизации корпорации; отличными от объема, предоставляемого в общем порядке для принятия решения на общем собрании участников по вопросам повестки дня. Из этого наблюдения также закономерно, что сведения о реорганизации предоставляются в порядке подготовки к общему собранию участников (в смысле пункта 3 статьи 36 Закона об ООО, статьи 54 Закона об АО), иными словами предоставление информации с функциональной и содержательной точки зрения не признается современным российским правовым порядком специфическим и неординарным явлением.

Единственная известная на сегодняшний день попытка регулирования в форме специализации содержания предоставляемой участником корпорации информации при реорганизации дана в Положении Банка России № 660-П «Об общих собраниях акционеров» (далее по тексту – «Положение ЦБ РФ») путем указания на дополнительную информацию и материалы, которые должны быть предоставлены при подготовке к проведению общего собрания акционеров (на основании пункта 7 статьи 54 Закона об АО).

¹⁴⁶ Например, см.: Бакулина Е.В. Совершенствование правового регулирования реорганизации хозяйственных обществ: диссертация на соискание ученой степени к.ю.н. М., 2004. С. 101.

¹⁴⁷ Жданов Д.В. Реорганизация акционерных обществ в Российской Федерации: диссертация на соискание ученой степени к.ю.н. М., 2001. С. 121-122; Дивер Е.П. Правовое регулирование реорганизации коммерческих организаций: диссертация на соискание ученой степени к.ю.н. М., 2002. С. 171.

Согласно пункту 3.6 Положения ЦБ РФ, если в повестку дня общего собрания акционеров включен вопрос о реорганизации общества, то в таком случае участникам подлежат предоставлению: проект документа опосредующего реорганизацию общества¹⁴⁸, проект передаточного акта в случае реорганизации в форме выделения или разделения, а также наряду с этим следующие сведения, что имеют особый интерес для предмета настоящего исследования: (1) годовой отчет и годовая бухгалтерская (финансовая) отчетность и промежуточная бухгалтерская отчетность всех организаций, участвующих в реорганизации, за несколько указанных в Положении ЦБ РФ периодов, а также (2) обоснование условий и порядка реорганизации общества. В этом перечислении первая часть перечня выполняют скорее лишь уведомительную функцию, тогда как сведения, указанные во второй части перечисления в определенной степени должны предоставить акционерам экономическое обоснование потребности принятия решения о реорганизации общества (этой цели должно служить «обоснование условий и порядка реорганизации общества») и возможности для акционеров убедиться в реальности этой потребности на основе предоставленных годовых отчетов, годовой и промежуточной бухгалтерской (финансовой) отчетности.

Однако данные положения не представляются в должной мере достаточными для достижения надлежащей защиты прав и законных интересов участников корпорации при реорганизации.

Во-первых, приведенное регулирование применяется лишь к АО, но не применимо без использования правил юридической аналогии к ООО, что приводит к невозможности общего рассмотрения данных положений для хозяйственных обществ в целом. Во-вторых, из Положения ЦБ РФ текстуально нет возможности установить какой-либо стандарт к содержанию, форме и степени детализации предоставляемых сведений. На практике данные положения никем и никогда не рассматривались в качестве обязанности

¹⁴⁸ Имеются в виду: проект решения (при выделении, разделении и преобразовании) либо проект договор при реорганизации АО в форме слияния или присоединения.

донести до акционеров содержательную потребность в проведении реорганизации в интересах общества и цели убедить акционеров в этой необходимости¹⁴⁹.

В этой связи причиной возникновения проблемы содержания информации при реорганизации с точки зрения участников корпорации состоит в том, что на нормативном уровне перед обществом не ставится задачи убедить участников в действительной потребности данной процедуры и того, что ее осуществление отвечает интересам общества. Далее будем именовать указанный в этом абзаце возможный подход к информированию участников – *«принципом убеждения»*.

Разумное объяснение данного обстоятельства можно попытаться найти в самой логике структуры уставного капитала, распространенного в российских хозяйственных обществах: нехарактерность для российских хозяйственных обществ существенной дисперсии капитала¹⁵⁰ лишает необходимости убеждать широкий круг участников в том, что реорганизация является необходимой корпорации. Воля на ее проведение будет либо заранее сформулирована неформальным образом необходимым большинством участников или не будет принято вовсе, если на это не будет воли контролирующего лица; но при этом для группы мажоритарных участников, как представляется, потенциально характерен меньший разброс с точки зрения согласования принятия корпоративных решений¹⁵¹. Исходя из приведенных соображений отсутствует необходимость создания специального регулирования предоставления информации на основе принципа убеждения,

¹⁴⁹ Кузнецов, указ. соч. (докторская диссертация). С. 63; также см.: Жданов, указ. соч. С. 99.

¹⁵⁰ Уже давно было замечено, что «акционерные общества с широким распылением акционерного капитала в России крайне редки, если вообще существуют» и что «структура акционерного капитала в российских обществах характеризуется высокой концентрацией» (Chernykh L. Ultimate Ownership and Control in Russia // Journal of Financial Economics. №. 1 (88), 2008. P 2, 21. [перевод – авторский]). Представляется, что данные выводы сохраняют свою актуальность в настоящее время, поскольку принципиальные особенности структуры прав на доли участия в России, сформировавшиеся в ходе приватизации и последующей концентрации контроля, в целом не претерпели изменений.

¹⁵¹ Исходя из того соображения, что согласовать воли и интересы меньшего числа лиц проще, чем намного более значительного числа лиц, особенно, если много лиц обладает незначительным объемом прав.

то есть того, что реорганизация действительно необходима обществу с точки зрения понятных и объективных экономических измерений.

Невозможно не усмотреть в этом проявления исторической закономерности законодательного регулирования: еще со времен принятия Закона XII Таблиц¹⁵² известно, что в установлении предельно ясного и строго законодательного регулирования заинтересована именно слабая сторона фактических отношений. Поэтому возможность установления специального регулирования предоставления информации всем участникам корпорации в преддверии принятия решения о проведении реорганизации следует рассматривать как проявления напряжения между интересами миноритарных и мажоритарных участников.

Для миноритарных участников, которые, как правило, не обладают специальными управленческими или экономическими познаниями, особенно если речь идет об обществе на публичном рынке капитала, существенное значение имеет вопрос о том, какие именно последствия принятие решения о реорганизации способно повлечь для их инвестиции. Необходимость этого в рамках акционерных обществ продиктована тем, что акционеры должны иметь возможность принять осознанное решение о предъявлении принадлежащих им акций к выкупу в порядке статьи 75 Закона об АО, то есть, по существу, о выходе из соответствующей инвестиции. В такой ситуации возникает вопрос об обосновании патернализма со стороны общества при обсуждении допустимости реализации принципа убеждения.

В отличие от российского правопорядка на наднациональном уровне в Европейском союзе и в национальных правопорядках государств-членов Союза установлен более детальный и содержательный стандарт по предоставлению информации участникам корпорации при ее реорганизации. Данный стандарт в конечном счете направлен на реализацию как раз указанного патерналистского подхода, направленного на обеспечение

¹⁵² Дождев Д.В. Римское частное право. М., 2021. С. 29.

реального понимания участниками тех экономических и имущественных последствий, которое повлечет проведение процедуры реорганизации, и условий ее проведения¹⁵³. Данный подход находит свое основание в Директиве Европейского парламента и Совета Европейского Союза № 2017/1132 «О некоторых аспектах корпоративного управления» (далее по тексту – «Директива № 2017/1132»), который заложил нормативную основу реализации патерналистского подхода к содержанию, форме и детализации при предоставлении информации участникам корпорации при реорганизации¹⁵⁴.

Так, согласно положениям статьи 91 Директивы № 2017/1132 государства-члены обязаны обеспечить, чтобы в рамках процедуры реорганизации был бы подготовлен специальный документ, называемый «условиями реорганизации», что должен включать описание ключевых элементов реорганизации, а именно раскрыть вопрос порядка и коэффициента конвертации долей участия, а также иных условиях, влияющих на положение участников корпорации после того, как процедура реорганизации будет завершена. Наряду с этим статья 137 Директивы № 2017/1132 делает акцент на том, что содержание информации должно быть достаточным и при этом прозрачным с точки зрения цели ее предоставления – появления у участников возможности принять обоснованное решение.

Дополнительно к этому Директива № 2017/1132 устанавливает обязанность составления управленческим органом общества специально «отчета», в котором должны быть приведены объяснения того, каким образом проект реорганизации послужит интересам общества, в чем состоит обосновании коэффициента конвертации при реорганизации, а также перечислить возникшие трудности с оценкой активов или методов их оценки; при этом его содержание должно быть детализированным, но остающимся понятным основному адресату – среднему участнику корпорации (статья 95

¹⁵³ См.: Grundmann S. European Company Law: Organization, Finance and Capital Markets. Antwerp, 2012. P. 681.

¹⁵⁴ Ibid.

Директивы № 2017/1132). Освободиться от исполнения данной обязанности возможно лишь при условии единогласного решения всех участников и владельцев иных ценных бумаг, обладающих правом голоса, что само по себе отражает высокую степень защиты интересов миноритарных участников, как и всякие иные ситуации при установлении единогласного или близкого к единогласному количеству голосов для принятия решения.

Данные положения наднационального регулирования были почти что полностью воспроизведены в национальных правовых порядках государств-членов Союза при условии сохранения общей идеи о необходимости по сути дела уведомления о факте реорганизации и предоставления потенциальной возможности для самостоятельной оценки экономического эффекта от данной процедуры, но также и патерналистского глубоко содержания предоставляемой информации с целью защиты всех участников корпорации¹⁵⁵.

Таким образом, поскольку в рамках европейского правового порядка возможно наблюдать в целом большую степень дисперсности уставного капитала по сравнению с традиционным для российского рынка¹⁵⁶ вполне закономерно также возложение на корпорации большей обязанности обосновать реорганизацию перед участниками корпорации. Для российского же правового порядка необходимо в первую очередь обосновывать необходимость возможности и целесообразность возложения на общество патерналистической обязанности в рамках процедуры реорганизации предоставлять информацию в форме, соответствующей принципу убеждения с точки зрения соображений политики права.

Заметим в этой связи, что в российском правовом порядке существует закреплено стремление к обеспечению достаточно благоприятных условия для развития публичного рынка капиталов¹⁵⁷, а его существование требует в том

¹⁵⁵ См.: Кузнецов, указ. соч. С. 46.

¹⁵⁶ Кузнецов, указ. соч. С. 49.

¹⁵⁷ Например, в «Методических рекомендациях Банка России по применению основных принципов добросовестного поведения на финансовом рынке» от 20 января 2025 года указано следующее: «укрепление

числе того, чтобы защита законных интересов инвесторов обеспечивалась должным образом независимо от объема приобретенных акций. Многие институты корпоративного права направлены в том числе на достижение этого¹⁵⁸. Этим может обосноваться нормативное закрепление принципа убеждения хотя бы в отношении АО; для ООО закрепление данного принципа также является желательным исходя хотя бы из стремления обеспечения надлежащей защиты в равном объеме участникам всех организационно-правовых форм хозяйственных обществ.

Между тем, при условии стремления к закреплению более широкого стандарта по предоставлению участникам корпорации информации о реорганизации на основе принципа убеждения также необходимо привести в гармонию с данными изменениями положения пункта 5 статьи 76 Закона об АО, связанные с объемом направленных на приобретение заявленных к выкупу акций средств относительно размера чистых активов общества; в том числе при учете тех соображений о реформировании данного регулирования, которые были ранее представлены в Главе II настоящего исследования¹⁵⁹. Необходимость в такого рода изменениях в связи с возможным предоставлением более высокого стандарта к содержанию информации о реорганизации обусловлена тем, что в таком случае участники потенциально могут быть более заинтересованными в заявлении требований о выкупе принадлежащих им акций в порядке статьи 75 Закона об АО, поскольку смогут составить наиболее адекватное представление о последствиях проведения реорганизации, которое может отличаться от «красивых» заявлений, если ее проведение на деле находится в интересах контролирующего лица, членов органов управления и менеджмента корпорации, но не в той же степени в

взаимного доверия между участниками российского финансового рынка является одним из приоритетных направлений деятельности Банка России» // Центральный Банк Российской Федерации. URL: <https://www.cbr.ru/crosscut/lawacts/file/9969> (дата обращения: 02.03.2026).

¹⁵⁸ Явным примером может служить регулирование совершения сделок с заинтересованностью, поскольку оно отражает представление об обществе как о самостоятельном носителе собственного интереса, который должен быть надлежащим образом выявлен и учтен в целях должной защиты интересов акционеров (т.е. инвесторов).

¹⁵⁹ См. стр. 61-62 настоящего исследования.

интересах самой корпорации и закономерно в отраженном смысле интересов ее участника.

Также при попытке решения вопроса о степени детализации направляемой информации следует воспроизводить хотя бы отчасти ту логику, что ныне была установлена в статье 91 Закона об АО при решении вопроса о категории сведений предоставляемым акционерам в зависимости от выделенных ранее факторов¹⁶⁰. Необходимость в такой детализации предоставления информации обусловлена риском при раскрытии значимой с коммерческой точки зрения информации даже тем участникам, которые обладают лишь одной единственной акцией общества¹⁶¹. В таком случае невозможно гарантировать полного исключения возможности по оппортунистическому поведению некоторых участников корпорации.

По этой причине, в случае решения проблемы в пользу предоставления дополнительного объема сведений участникам при реорганизации, применяемый стандарт должен основываться на балансе интересов не только мажоритариев и миноритариев, но также интересов акционеров вообще и корпорации как таковой. При этом необходимо также найти баланс между, с одной стороны, принципом пропорциональности участия в корпорации и формального равенства участников гражданских правоотношений, в том числе участников корпорации¹⁶². Вопрос о данном балансе будет подробнее рассмотрен в параграфе 4 настоящей главы при учете возможного стандарта добросовестности предоставления информации участникам в рамках отечественного правопорядка.

В отношении объема сведений, предоставляемых кредиторам корпорации при ее реорганизации следует заметить следующее.

Во-первых, данный вопрос становится более проблемным по причине большей информационной асимметрии, возникающей по справедливым и

¹⁶⁰ См. стр. 50-51 настоящего исследования.

¹⁶¹ См. по поводу этой проблемы: Кузнецов, указ. соч. (докторская диссертация). С. 177.

¹⁶² См.: Шиткина (отв. ред.), указ. соч. Т. I. С. 196-198.

объективным причинам: уже было отмечено ранее в современном российском законодательстве не предусматривается наличие каких-либо особых прав в отношении получения информации от общества¹⁶³. Данное наблюдение подводит к необходимости все же предусмотреть на случай реорганизации специальный порядок предоставления информации кредиторам на случай реорганизации¹⁶⁴.

Во-вторых, наиболее остро возникает проблема сохранения сведений, что имеют существенное коммерческое значения для общества. Если участники в силу своего положения по меньшей мере в пропорциональной своему объему участия степени (их интересы – отражение интересов общества) заинтересованы в коммерческому благополучии корпорации по объективным причинам, то для кредиторов не существует подобного объективного и постоянного обстоятельства. Отсюда возникает вопрос к степени детализации информации и содержания тех сведений, что могут быть предоставлены кредиторам при реорганизации, чтобы был соблюден баланс их интересов и интересов корпорации.

Для кредиторов и участников представляется различным сами категории сведений, что предоставляют ценность для принятия осознанного решения в рамках процедуры реорганизации. Для участников корпорации имеет значение предоставленные сведения о порядке конвертации их прав участия, обоснование коэффициента такой конвертации; тогда как для кредитора данные сведения не будут иметь какой-либо ценности, поскольку должником кредитора оказывается не каждый конкретный участник реорганизуемого общества, а в силу принятия универсального правопреемства при реорганизации – сами реорганизованные корпорации (статья 59 Гражданского кодекса РФ). По этой причине кредиторам предоставляют значение сведения, позволяющие составить представление о том, какими с имущественной точки зрения должниками окажутся реорганизованные общества. Вместе с тем в

¹⁶³ Кузнецов, указ. соч. С. 175.

¹⁶⁴ См. соображения в пользу этого также на стр. 80-81 настоящего исследования.

этой связи для кредитор начинает представлять интерес вопрос о количестве заявленных требований к выкупу акций в порядке статьи 75 Закона об АО, поскольку это напрямую означает изменение имущественной сферы корпорации, а значит и ее потенциальной платежеспособности даже при условии универсального правопреемства.

При этом как кредитор, так и участников корпорации, заинтересован в том, чтобы принять обоснованные решения о прекращении своего правоотношения с корпорацией вследствие принятия решения о ее реорганизации или сохранения его в порядке универсального правопреемства, но при иной корпоративной структуре, иными словами, речь идет о вопросе возможности надлежащим образом реализовать имущественную категорию способы защиты прав и законных интересов при реорганизации корпорации.

В этом случае находит свое проявление та же идея принципа убеждения, но *mutatis mutandis* по отношению к кредиторам корпорации: возможность убедить кредиторов в том, что обязательства перед ними будут исполнены надлежащим образом несмотря на реорганизацию и поэтому нет потребности в реализации права на акселерацию долга; но при условии осознания опасности раскрытия третьим относительно корпорации лицам деталей о предполагаемых экономических последствий реорганизации, поскольку это может составлять уже отмеченный ранее риск для коммерческих интересов корпорации.

Для реализации этого в ряде континентальных правопорядков установлена обязанности публикации «проекта реорганизации» для возможности ознакомиться с ним не только участникам, но и кредиторам корпорации; это рассматривается в качестве инструмента предварительной оценки экономического эффекта этой процедуры для третьих лиц.

Так, во Франции в силу статьи L.236-6 и статьи R.236-1 Коммерческого кодекса Франции (*Code de commerce*) проект слияния корпораций должен быть публичным и содержать, помимо юридический параметров предполагаемой

процедуры, также указание на причины и цели реорганизации, условия проведения перечень и оценку передаваемых активов и обязательств, а также коэффициент конвертации. Сходным образом в Испании статья 31 и статья 74 Закона от 3 апреля 2009 года «О реорганизации коммерческих обществ» (*Ley 3/2009, de 3 de abril, sobre modificaciones estructurales de las sociedades mercantiles*) требует включения в «проект реорганизации» данные об оценке активов и пассивов и их распределении, а статья 32 указанного закона предусматривает раскрытие этого «проекта» до еще принятия решения о проведении реорганизации¹⁶⁵. Благодаря этому кредитор еще на предварительной стадии получается возможность для оценки того, каким именно образом изменится имущественная сферы должника и каков предполагаемый экономический эффект от процедуры реорганизации, что позволяет ему определить представляет ли реорганизация реальную угрозу надлежащего исполнения его требований или же допустимый предпринимательский риск. При этом законодатель ограничивается заданный минимум раскрытия указанием на конкретные документы, что является попыткой соблюсти баланс интересов кредиторов корпорации и корпораций, между прозрачностью процедуры и вопросом охраной коммерческой чувствительной информации.

Более возможным представляется вопрос о возможности предоставления кредиторам разделительного баланса при реорганизации в форме выделения или разделения (статья 58 и статья 59 Гражданского кодекса РФ). Существующее регулирование не содержит указаний на необходимость его предоставления кредиторам, однако в литературе поддерживается справедливая позиция о необходимости этого¹⁶⁶. Данный подход следует поддержать, поскольку хоть реорганизации и означает универсальное правопреемство, однако существует потенциальная возможность диспропорции в справедливости распределения пассивов и активов

¹⁶⁵ См. подробнее: Кузнецов, указ. соч. С. 172.

¹⁶⁶ Жданов, там же; Дивер, там же.

реорганизуемого общества¹⁶⁷, а значит кредитор особенно при данных формах заинтересован в оценке возможности надлежащего исполнения обязательств перед ним со стороны реорганизованных обществ.

В практике российских судов по вопросам необходимого содержания информации, предоставляемой участника и кредиторам корпорации при ее реорганизации – отсутствуют известные правовые позиции высших судов, которые были бы направлены именно на выработку стандарта достаточности и детализации раскрываемых сведений. В судебном порядке обычно рассматриваются вопросы соблюдения предусмотренных в законодательстве процедурных аспектов информирования (факт уведомления, срок уведомления, способов направления), но вопроса о надлежащем содержании предоставляемой информации в материальном смысле не возникает, насколько стало понятно по итогам поиска судебной практики. По всей видимости, установленное обстоятельство объясняется тем, что сам вопрос стандарта содержания информации не раскрывается в российском позитивном праве: статья 65.2 Гражданского кодекса РФ не формулирует специальным образом прав на получение информации при реорганизации, а нормы о подготовке к проведению общего собрания и предоставлении при этом материалов (пункт 3 статьи 36 Закона об ООО, статья 54 Закона об АО) преимущественно ориентируются на процедурные вопросы доведения информации, а не на требования наличия в содержании экономической «объяснительную» полноту; в отношении кредиторов вопрос вообще редуцирован до оценки соблюдения положений статьи 60 Гражданского кодекса РФ¹⁶⁸.

¹⁶⁷ См. абзац 2 пункта 22 Постановление Пленума ВАС РФ «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об акционерных обществах» № 19 от 18 ноября 2003 года.

¹⁶⁸ Например, в одном из дел при рассмотрении вопроса о признании незаконным отказа в государственной регистрации прекращения деятельности присоединяемого общества суд исследовал не содержательную достаточность сведений, раскрытых кредиторам при реорганизации, а лишь формальное соблюдение требований о публикации уведомления в «Вестнике государственной регистрации» и достоверность указанных в нем сведений об адресе общества, продолжающего деятельность после реорганизации (решение Арбитражного суда Волгоградской области от 19.01.2017 по делу № А12-66179/2016).

При учете данного обстоятельства реальную возможность для развития содержательного стандарта информирования возможно не столько посредством толкование высшими судами принятого ныне минимального законодательного материала по поводу информирования кредиторов при реорганизации, сколько через постановку вопроса о конституционности предусмотренного объема и уровня информированности в контексте гарантий, предусмотренных статьями 19, 34 и 35 Конституции РФ. Однако известных попыток постановки вопроса являются ли положения указанных специальных федеральных законов и Гражданского кодекса РФ в полной мере конституционным с точки зрения оценки баланса интересов и выработки стандартов защиты до настоящего времени, насколько известно, пока не было. Попытка рассмотреть подобной стандарт защиты будет дана далее в параграфе 4 настоящей главы.

В отношении ликвидации уже отмечалось выше отсутствие потенциальных злоупотреблений на фоне существования информационной асимметрии, которая характерна для реорганизации, поскольку ликвидации является более объективно «просчитываемой» и не возникает вопросов перераспределения имущественной сферы между несколькими правопреемниками или изменения структуры участия.

Поэтому в строгом смысле объектное проявление проявления информации в данном случае практически полностью нивелируется: сведения о ликвидации не требуют раскрытия сложных экономических параметров или обоснования условий трансформации предполагаемой трансформации правоотношений, так как речь идет именно о прекращении существования юридического лица.

Важным оказывается именно фактологическое проявление информации, то есть вопрос доведения до заинтересованных лиц самого факта принятия решения о ликвидации и порядка заявления требований кредиторами. Данный аспект будет предметом рассмотрения в следующем параграфе.

Таким образом, ключевая проблема содержания информации при реорганизации в российском правовом порядке состоит не в отсутствии обязанности уведомить о принятии решения о реорганизации корпорации, а в отсутствии в позитивном праве стандарта достаточности, объяснительной полноты и добросовестности при передаче соответствующих сведений, которые бы позволяли участника и кредиторам корпорации не просто узнать о факте начала реорганизации, но также оценить ее имущественные последствия и риски для реализации их прав и законных интересов. Следовательно, задача дальнейшего анализа заключается в выработке такого стандарта именно для реорганизации при условии учета того, что она является конфликтной и насыщенной рисками процедурой, при которой информационная асимметрия приобретает материальное выражение и требует нахождения баланса защиты прав и законных интересов участников и кредиторов корпорации при учете проблемы сохранения в тайне значимой с коммерческой точки зрения информации, предотвращения возможного оппортунистического поведения адресатов получения такой информации. Ликвидация же в данном измерении оказывается намного менее конфликтной, по причине чего в отношении ликвидации центральным оказывается не вопрос содержательной «убежденности» передаваемых сведений, а корректности доведение факта ликвидации и порядка заявления требований до кредиторов корпорации.

§ 3. Информирование как юридический факт при реорганизации и ликвидации

Выше в главе первой было обосновано, что в определенных законодателем случаях само обладание некоторой информацией, в том числе обладание, которое презюмируется после совершения действия по ее доведению в установленном порядке до адресата – приводит к динамике правоотношений, возникновению субъективных прав и обязанностей¹⁶⁹. Иными словами, речь идет о такого рода обстоятельствах при осуществлении информационного обмена, которые правом квалифицируются в качестве юридического факта, поскольку в законодательстве устанавливаются конкретные гражданско-правовые последствия обладания некой информацией. В рамках данного проявления информации следует заметить, что в установленном российским законодателем порядке реорганизации корпорации включается требование направить, а точнее опубликовать в указанном публичном источнике, соответствующие уведомительные сведения о вхождении корпорации в процедуру реорганизации, которые приводят к возникновению у кредиторов права на акселерацию долга (статья 60 Гражданского кодекса РФ).

В рамках установленного порядка первостепенное значение имеет фиксация начала процедуры реорганизации общества посредством внесения соответствующей записи в ЕГРЮЛ об этом, что осуществляется регистрирующим органом на основании направленного обществом письменного уведомления о принятии соответствующего решения. Именно с момента внесения такой записи процедура реорганизации приобретает публичное значение для третьих лиц. При этом сама по себе запись в ЕГРЮЛ не должна признаваться достаточным информированием для цели защиты прав и законны интересов кредиторов корпорации¹⁷⁰ несмотря на всю

¹⁶⁹ См. выше стр. 34-39, настоящего исследования.

¹⁷⁰ Поскольку признание иного означало бы возложение на кредитора избыточного бремени для цели защиты своих прав и законных интересов путем постоянно отслеживания сведений о своих контрагентах в реестре. Явная неудобность этого положения справедливо критикуется в литературе (Кошелев Я.С. Гражданско-

важность регистрационной системы, основанной на принципе публичной достоверности (абзац 2 пункт 2 статьи 51 Гражданского кодекса РФ): внесение записи в ЕГРЮЛ, что является одним из проявлений раскрытия информации, может рассматриваться лишь в качестве формирования формальной презумпции осведомленности, что, однако, само по себе не создает реальной возможности для получения кредиторами необходимой информации для того, чтобы принять решение о реализации способа защиты своих прав и законных интересов; также вряд ли допустимо исходить из того, что кредитор обязан систематически проверять записи в отношении каждого своего контрагента¹⁷¹.

Для того, чтобы кредитор в действительности получил необходимые сведения, которыми, во-первых, они должны быть в принципе поставлены в известность о возможности реализовать имущественные способы защиты при реорганизации посредством заявления требования об акселерации долга, а, во-вторых, была бы обеспечена реальная возможность принятия осознанного имущественного решения – требуется более адресный и содержательный порядок информирования, что в определенной степени установлено в отечественном законодательстве¹⁷².

Также необходимо заметить, что рассматриваемый порядок регулирования уже имеет некоторую историю развития в отечественном праве. Первоначальная редакция статьи 60 Гражданского кодекса РФ устанавливала

правовые аспекты реорганизации акционерных обществ: диссертация на соискание ученой степени к.ю.н. РнД, 2012. С. 174-175).

¹⁷¹ Кошелев, там же.

¹⁷² Такого рода особенности информирования при реорганизации закреплены в следующих законах. Статья 23.5 Федерального закона от 2 декабря 1990 года № 395-1 «О банках и банковской деятельности» предусматривает, что кредитная организация может исполнить свою обязанность по уведомлению своих кредиторов, как путем опубликования соответствующих сведений в соответствующих средствах массовой информации, так и путем направления каждому кредитору письменного уведомления почтовым отправлением с уведомлением о вручении. В пункте 7 статьи 29 Федерального закона от 14 ноября 2002 года № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» установлена обязанность унитарных предприятий уведомить в письменной форме о принятом решении о реорганизации всех известных кредиторов, помимо публикации в соответствующем средстве массовой информации; аналогичная обязанность предусмотрена в пункте 8 статьи 13 Федерального закона от 30 декабря 2004 года № 215-ФЗ «О жилищных накопительных кооперативах». Пункт 5 статьи 33 Федерального закона от 7 мая 1998 года № 75-ФЗ «О негосударственных пенсионных фондах» также предусматривает направление кредиторам в письменной форме уведомления о начале процедуры реорганизации. Данные положения закона не рассматриваются более подробным образом в настоящем исследовании, поскольку выходят за пределы его предмета, который состоит в исследовании в первую очередь положений специальных законов о хозяйственных обществах по российскому праву.

обязанность направить в индивидуальном порядке письменные уведомления кредиторам реорганизуемого юридического лица. Данный порядок, несмотря на значительную персонализацию информирования кредиторов критиковалась тогда и критикуется в современной доктрине, поскольку тогдашнее регулирование не предполагало требований по проверке факте направления уведомления, что делало возможным обходить это требование, как посредством направления формального по своему содержанию уведомления, так и зачастую путем прямой фальсификации уведомлений¹⁷³; возможность возврата к данной форме информирования критикуется в первую очередь за дороговизну и повышение издержек использования инструментария реорганизации, который и так оказывается менее востребованным для оборота из-за иных недостатков и сложностей своего регулирования¹⁷⁴.

В ходе реформы по совершенствованию гражданского законодательства в части корпоративного права указанный порядок направления индивидуальных уведомлений был заменен ныне действующим, предполагающим необходимость опубликования информации о реорганизации в специализированных изданиях.

Согласно действующему порядку в статье 60 Гражданского кодекса РФ после внесения в ЕГРЮЛ записи о начале процедуры реорганизации корпорации дважды с интервалом в один месяц должно быть опубликовано уведомление в журнале «Вестник государственной регистрации» (далее по тексту – «Вестник»). Существенным является содержание такого уведомления: в нем подлежат указанию сведения об участвующих в реорганизации и создаваемых в ее результате юридических лицах, форме реорганизации, а также описание порядка и условий заявления кредиторами своих требований. Именно нормативное определение содержания уведомления позволяет истолковать положения статьи 60 Гражданского

¹⁷³ Кузнецов, указ. соч. (докторская диссертация). С. 174-175.

¹⁷⁴ Кузнецов, указ. соч. (докторская диссертация). С. 177.

кодекса РФ так, что правопорождающим обстоятельством для возникновения у кредиторов правомочия заявить требование об акселерации долга является именно опубликование соответствующего уведомления, а не само по себе внесение записи в ЕГРЮЛ, поскольку именно публикация в Вестнике раскрывает порядок и условия реализации данного права.

Реализация имущественной формы защиты посредством акселерации долга возможна при условии, что требование кредитора возникло до опубликования первого уведомления, и должно быть осуществлена не позднее тридцати дней со дня последнего уведомления о реорганизации. При этом исходной точкой для определения момента возникновения права на заявление требований следует считать момент публикации первого уведомления на основе телеологического толкования требований к содержанию уведомления и его функционального назначения в рамках принятого порядка реорганизации.

Данное регулирование также подвергается критике в литературе. Некоторые авторы обращают внимание, что публикация сведений в специализированном издании является в той же мере проблемной для кредиторов в контексте достижения состояния реальной защищенности их прав и законных интересов, что и запись в ЕГРЮЛ, поскольку оба источника вынуждают кредиторов на регулярном основе обращаться к проверке сведений о контрагентах¹⁷⁵. Некоторые авторы обращают также внимание на то, что «Вестник» по сути нельзя признаваться в полной мере общедоступным источником¹⁷⁶. При этом, как было замечено выше, возможность возвращения к порядку индивидуального информирования, даже при условии устранения всех дефектов первоначальной редакции статьи 60 Гражданского кодекса РФ, не оказывается востребованной по причине повышения денежных и организационных издержек для общества при реорганизации¹⁷⁷.

¹⁷⁵ Кузнецов, указ. соч. (докторская диссертация). С. 175.

¹⁷⁶ Галазова З.В. Институт реорганизации юридического лица: диссертация на соискание ученой степени к.ю.н. М., 2015. С. 152.

¹⁷⁷ Кузнецов, указ. соч. (докторская диссертация). С. 177.

По этой причине необходимо попытаться представить такую модель, которая, с одной стороны, отвечала бы принципам эффективности инструментального подхода при правовом регулировании¹⁷⁸; а с другой же стороны, позволяла бы достичь наибольшей степени гарантированности получения кредиторами всей достаточной информации в имеющий смысл срок для цели защиты прав и законных интересов. Данный вопрос будет подробнее рассмотрен в следующем параграфе в контексте онтологического проявления информации, поскольку его решения представляется возможным с точки зрения происходящей трансформации в рамках пятой информационной революции; хотя данный вопрос действительно, как на это указывают некоторые авторы, является отчасти техническим, нежели чем сугубо юридическим¹⁷⁹.

Здесь же необходимо обратить внимание также на высказанное в литературе предложение к совершенствованию рассматриваемого порядка информирования путем переноса момента информирования кредиторов еще до момента принятия самим обществом решения о реорганизации¹⁸⁰. Такое совершенствование по мнению профессора А.А. Кузнецова благоприятно скажется на интересах самой корпорации и ее участниках, поскольку позволит предварительно узнать о числе заявленных требований об акселерации долга, что позволит участникам принять более осознанное решение, получив представления о размере вмешательства в имущественную сферу в случае принятия решения о реорганизации¹⁸¹. Данное положение должно быть поддержано еще и по тому, что даст контрагентам некоторое время «для маневра» (например, путем проведения дополнительных переговоров с обществом, заключения дополнительных соглашений) в контексте существующих договорных отношений до момента принятия неизгладимого решения о реорганизации.

¹⁷⁸ Что с точки зрения инструментального подхода является имманентной задачей правового регулирования.

¹⁷⁹ Кузнецов, указ. соч. (докторская диссертация). С. 176.

¹⁸⁰ Кузнецов, указ. соч. (докторская диссертация). С. 179.

¹⁸¹ Eberhard S. La scission de la société anonyme: en droits allemand, américain et suisse. Genève, 1999. P. 248 249.

Положительной стороны такого предполагаемого регулирования является также то, что это позволит достичь некоторой синхронизации ознакомления и изучения информации о вероятном эффекте реорганизации как участниками, так и кредиторам корпорации. Правда, в таком случае потребуется весьма глубокая степень синхронизации и публичность данных процедур, поскольку, возможно, пострадают интересы кредиторов, которым важно получить сведения об объеме заявленных к выкупу акций до момента принятия решения об акселерации долга, поскольку это, как уже отмечалось выше, имеет значение для оценки перспектив имущественного положения реорганизованных обществ; аналогичное следует также сказать по поводу участников, в чьих интересах заранее получить сведения о объеме потенциальных заявленных требований об акселерации долга, так как данные сведения также имеют значения для оценки экономических перспектив общества в результате реорганизации, а значит для принятия решения о защите своих прав в порядке заявления требования о выкупе принадлежащих акций.

Для завершения рассмотрения данного проявления информации заметим, что для участников юридическим фактом заявления требований о выкупе акций в порядке статьи 75 Закона об АО будет являться по классификации статьи 8 Гражданского кодекса РФ решение собрания, а не обладание информацией как таковой, в отличие от рассмотренного выше положения статьи 60 Гражданского кодекса РФ. Поэтому для сохранения ясности заявленной в настоящей работе классификации, а значит также чтобы вовсе сохранить смысл ее существования, подобного рода юридические факты не рассматриваются в качестве связанных именно и исключительно с обстоятельствами происходящего информационного обмена. Ключевым является именно порождающее право акселерации долга информирование согласно вышерассмотренному порядку.

В отношении ликвидации порядок информирования также имеет несколько иное функциональное предназначение и потому скорее не могут

рассматриваться в качестве правопорождающего юридического факта вроде того, что происходит при реорганизации корпорации. Согласно положениям статьи 63 Гражданского кодекса РФ ликвидационная комиссия публикует в «Вестнике» сообщение о нахождении юридического лица в процессе ликвидации, а также сообщает о порядке и сроке заявлений кредиторами требований. Также следует обратить внимание на существование в практике Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ позиции, согласно которой на ликвидаторе лежит обязанность по индивидуальному уведомлению каждого известного кредитора в контексте требования добросовестного и разумного осуществления действия в интересах ликвидируемого юридического лица¹⁸². Данный порядок, в отличие от существующего при реорганизации, как уже отмечалось ранее, с одной стороны, отвечает цели гарантированности интересов кредиторов при данных процедурах, но с другой стороны ставит вопрос о повышении денежных и организационных издержек для общества. Данный вопрос будет подробнее также рассмотрен в следующем параграфе, наряду с аналогичным вопросом при реорганизации.

В любом случае, под заявлением требований в смысле статьи 63 Гражданского кодекса РФ понимается не реализация нового субъективного права, как имеет место при реорганизации в части возможности заявить требование об акселерации долга, а в смысле уведомления общества о себя как о его кредиторе для цели последующего включения в состав перечня требований, подлежащих удовлетворению в рамках процедуры ликвидации юридического лица (пункт 2 статьи 64 Гражданского кодекса РФ). Таким образом, информирование в данном случае служит цели скорее технической, оно не приводит к динамике правоотношений, не изменяет каким-либо образом содержание правоотношений между корпорацией и кредиторами,

¹⁸² Определение Верховного Суда РФ от 27.05.2015 № 310-ЭС14-8980 по делу N А64-6348/2013 // СПС КонсультантПлюс.

поэтому информирование при ликвидации не следует признавать юридическим фактом в строгом смысле этого слова.

§ 4. Информирование как общая гарантия и конституирующий фактор

В рамках настоящего исследования уже была обоснована возможность при анализе существа правоотношений рассуждать об информации как о правовой категории в ее наиболее фундаментальном проявлении, а именно в качестве содержательного элемента социальных отношений вообще и правоотношений в частности¹⁸³, поскольку любое взаимодействие индивидами конструируется передачей сведений от одного сознания к другому сознанию; парадигма данной информационно-коммуникативной доктрины права не позволяет рассматривать фактические отношения как имеющих юридическое значение вне существования информационного обмена. Также на основе этой парадигмы был сделан вывод об информационном обмене вообще и их конструкции в форме субъективных информационных прав участников в значении структурирующего элемента корпоративных правоотношений¹⁸⁴. Не может казаться удивительным, что в этом контексте при анализе вопросов защиты прав и законных интересов участников и кредиторов корпорации при ее реорганизации и ликвидации, причем как при анализе имущественных, так и процедурных форм защиты, почти постоянно делась явная или неявная оговорка о необходимости представления надлежащей содержательной информации для возможности реальной защиты участников и кредиторов корпорации¹⁸⁵.

Таковы особенности онтологического проявления информации.

Закономерен вывод о надлежащей информации, как о необходимом условии реализации не отдельного, а всего набора инструментария по защите участников и кредиторов при реорганизации и ликвидации корпорации. Продемонстрируем это на иллюстративных примерах из вышеприведенных положений главы второй.

¹⁸³ См. выше стр. 24-26 настоящего исследования.

¹⁸⁴ См. выше стр. 53-54 настоящего исследования.

¹⁸⁵ См. выше, например, стр. 55, 60, 70, 76, 79-80 настоящего исследования.

С точки зрения кредиторов данный вывод проявляется в том, что возможность воспользоваться имущественной защитой при реорганизации путем заявления требований об акселерации долга привязана действующим законодательством к сообщению сведений по поводу принятого решения о реорганизации, порядка и условий заявления требования к досрочному исполнению обязательства (пункты 1 и 2 статьи 60 Гражданского кодекса РФ). В таком случае, данное положение само по себе требует наличия возможности осуществления информационного обмена между кредиторами и корпорацией, связанный с передачей корректных и современных сведений о принятии решения о реорганизации, информирование о котором в данном случае является обстоятельством, порождающим конкретные гражданско-правовые последствия в силу закона. При ликвидации для кредиторов передача сведений в рамках информационного обмена сохраняется в той же мере функциональное предназначение, хотя и получение данных сведений не следует рассматривать в качестве юридического факта, в отличие от аналогичной ситуации при реорганизации. Важность данного акта информационного обмена связана с возможностью надлежащим образом «напомнить» обществу, что оно является должником перед данным кредиторов, в ответ на «публичное воззвание» к ним со стороны ликвидатора; возможность получения уведомительной информации кредиторами при ликвидации означает возможность для них заявить о включении своих требований к обществу в перечень требований кредиторов, подлежащие удовлетворению в установленной очередности.

Для участников корпорации акты информационного обмена оказываются не менее значимыми для реализации принадлежащих им процедурных гарантий их прав и законных интересов: без надлежащего сообщения о проведении общего собрания и без предоставления необходимых материалов невозможно ни участие при формировании воли корпорации, ни осознанное голосование по вопросам повестки дня общего собрания участников, в том

числе вопросу реорганизации и ликвидации¹⁸⁶; а если информационный обмен систематически не удастся, то тогда законодатель напрямую связывает это с приостановления исполнения ряда обязанностей, которые в обычной ситуации существуют у общества перед участниками, включая вопрос выплаты дивидендов и направлении информации о проведении общих собраний участников¹⁸⁷. Тогда «путы» корпоративной связи оказываются оцениванием с точки зрения степени успешности акта коммуникация, информационного взаимодействия.

Наконец, без наличия достаточной по содержанию информации о параметрах реорганизации и о ее экономических последствиях участники и кредиторы не способны в полной мере принимать обоснованные имущественные решения при рассмотрении вопроса о сохранении своего правоотношения с корпорацией, или выхода из этого правоотношения, как посредством заявления требований о выкупе акций, так и требований об акселерации долга, соответственно¹⁸⁸. В этой связи постановка вопроса о стандарте содержания предоставляемой информации для оценки экономических последствий реорганизация показывает, что нельзя сводить вопрос информирования к определению передачи некоторого конкретного перечня документов и сведений, но необходимо рассматривать информирование в качестве непосредственного наполнения и условия действительности защиты участников и кредиторов корпорации при ее реорганизации и ликвидации.

Таким образом, необходимо вновь заметить, что на уровне обобщения допустимо рассматривать осуществляемые надлежащим образом по объему и по своему содержанию акты информационного обмена в качестве общей гарантии защиты прав и законных интересов участников и кредиторов корпорации при ее реорганизации и

¹⁸⁶ См. подробнее выше стр. 49-50 и 60 настоящего исследования.

¹⁸⁷ См. подробнее выше стр. 45 настоящего исследования.

¹⁸⁸ См. подробнее выше стр. 61, 76 и 96 настоящего исследования.

ликвидации, поскольку без достижения данного положения весь предусмотренный в законе инструментарий либо не приводится в действие, либо утрачивает всякую практическую ценность и превращается в формальную конструкцию.

В связи с этим возникают вопросы о стандарте надлежащей информации, о стандарте добросовестности информирования при реорганизации и ликвидации корпорации. Как уже отмечалось ранее в практике российских судов не содержит какой-либо позиции по поводу данных стандартов, хотя как кажется именно судейский юридический разум должен был по идее анализировать фактические обстоятельства в этом контексте и выражать понимание им этих стандартов. Ввиду этого, поскольку нет возможности исследовать фактические обстоятельства рассмотренных в юрисдикционной форме споров относительно содержательной характеристики информационного обмена при реорганизации и ликвидации, возможно представить очерк принципов, на которых следует основывать данный стандарт на основе, во-первых, представлений о существующем потенциальном конфликте интересов между различными группами вовлеченных субъектов в принятие решение о реорганизации или ликвидации корпорации и в процедуру ее совершения, а именно: между мажоритарными и миноритарными участниками¹⁸⁹; между участниками корпорации и членами органов управления и менеджментом общества¹⁹⁰; между корпорацией и кредиторами общества¹⁹¹; во-вторых, оценки влияния информационной асимметрии на возможность реализации участниками и кредиторами корпорации предусмотренных мер защиты их прав и законных интересов; в-третьих, соображений политики права¹⁹².

¹⁸⁹ См. подробнее выше стр. 58 настоящего исследования.

¹⁹⁰ См. подробнее выше стр. 59 настоящего исследования.

¹⁹¹ См. подробнее выше стр. 74 настоящего исследования.

¹⁹² См. пример подобных соображений выше на стр. 95-96 настоящего исследования.

В отношении участников стандарт надлежащего и добросовестного информирования при реорганизации и ликвидации должен основываться по меньшей мере на следующих принципах и критериях:

1. Принцип объяснительной полноты. Предоставляемая информация о реорганизации и ликвидации должна быть в действительности достаточной для понимания экономических и имущественных последствия принятия решения о проведении рассматриваемых процедур, включая влияние на структуру участия, обоснованности предполагаемой конвертации прав участия, общей потребности в интересах общества проведения рассматриваемых процедур и предполагаемых изменений в имущественной сфере корпорации в случае принятия решения о проведении рассматриваемых процедур.

Конкретные перечень предоставляемых документов должен, в том числе, давать возможность сделать вывод о реализации имущественного способа защиты путем заявления требований о выкупе принадлежащих акций в порядке статье 75 Закона об АО в случае, если из них будет следовать, что в интересах участника корпорации прекратить свою правовую связь с корпорацией.

2. Принцип осознанного волеизъявления и принцип убеждения. Сведения должны быть представлены таким образом и в такие сроки, чтобы дать участнику корпорации реальную возможность сформулировать позицию по поводу данных процедур для участия в голосовании по вопросу о проведении данной процедуры или реализации предусмотренного законом имущественного способа защиты.

При этом соответствующие сведения должны быть подготовлены в такой форме, чтобы дать возможность «среднему участнику» гражданского оборота и участнику корпорации составить реальное представление об экономической необходимости данных процедур; таким образом на общество возлагается

бремя убеждения всех участников корпорации в необходимости принятия решения о проведении реорганизации или ликвидации общества.

В этой же связи возможно рассматривать потенциальное появление фигуры третьего лица, подобного европейскому эксперту-консультанту, который бы при этом отвечал сформулированным выше требованиям к его личности¹⁹³.

3. Принцип пропорциональности. Объем и степень детализации сведений, что могут быть предоставлены участникам для формирования у них достаточного представления о последствиях принятия решения о реорганизации корпорации, должны соотноситься со степенью потенциального воздействия на положение конкретного участника при условии принадлежащего ему объема прав участия. В этой связи возможно следовать общему подходу в корпоративном праве, что больший объем корпоративного участия предполагает возможность большей информированности о ее деятельности¹⁹⁴.

При определении документов, содержащих сведения и возможных для предоставления участникам с тем или иным объемом корпоративного контроля возможно исходить из детализации прав на предоставление информации в рамках положений статьи 91 Закона об АО. Например, если участник обладает не менее чем 1% долей участия в обществе, то в части направляемых материалов в преддверии проведения общего собрания участников должны направляться также протоколы заседаний совета директоров (наблюдательного совета) обществ, на которых обсуждался бы вопрос предполагаемой реорганизации или ликвидации для полноты понимания мотивированности членов органов управления.

4. Принцип добросовестности и запрета оппортунистического поведения. В условиях существующей информационной асимметрии порядок

¹⁹³ См. подробнее выше стр. 64 настоящего исследования.

¹⁹⁴ Ломакин, указ. соч. (статья). С. 33.

предоставления информации не должен использоваться для цели извлечения выгоды для своих интересов в ущерб интересам менее информированной стороны. В том числе, не допускается формальное исполнение обязанности по информированию участников и не исполнения обязанности по предоставлению содержательной информации о предполагаемой процедуре реорганизации.

В отношении кредиторов стандарт надлежащего и добросовестного информирования при реорганизации и ликвидации должен основываться по меньшей мере на следующих принципах и критериях:

1. Принцип функциональной достаточности. Предоставляемая информация кредиторам должна позволять им оценить наиболее адекватным образом то, как изменится степень действительной вероятности надлежащего исполнения перед ним обязанностей реорганизованного кредитора и фактической защищенности его имущественного интереса. Данные сведения должны позволить ему принять решение об использовании предусмотренных законом имущественных способов защиты его прав и законных интересов, прежде всего, посредством заявления требования о досрочном исполнении обязательства, то есть прекращения своей правовой связи с обществом несмотря на универсальность правопреемства при реорганизации корпорации.

2. Принцип доступности и реальности восприятия. Информирование не должно осуществляться таким способом, который предполагает чрезмерные издержки для кредитора по их получению и не должен быть ограничен только лишь формальным опубликованием сведений при очевидной невозможности для среднестатистического кредитора своевременно обнаружить соответствующее уведомление; порядок направления уведомления не должен возлагать на кредитора чрезмерного бремени по контролю за корпоративными решениями должников.

Современный порядок уведомления посредством публикации сообщения в «Вестнике» не соответствует данному принципу по вышеприведенным

причинам¹⁹⁵. Для реализации данного принципа корпорациям-должникам рекомендуется как добросовестным участникам гражданского оборота уведомлять своих кредиторов о принятом корпоративном решении путем частной коммуникации, например, посредством направления соответствующего уведомления по электронной почте, указанной стороной в заключенном договоре.

3. Принцип определенности содержания. Предоставляемые сведения должны быть сформулированы ясно и недвусмысленно в части установленного порядка и условий реализации прав кредиторов, включая точное указание на сроки заявления требований и напоминание о последствиях бездействия, не принятия решения о применении предусмотренных в законе способов защиты прав и законных интересов.

4. Критерий баланса интересов кредиторов и общества. Информирование не должно выходить за пределы объема информации и конкретных сведений, что необходимы для оценки реальности риска ухудшения положения кредитора так, чтобы это не приводило к неоправданному раскрытию чувствительной коммерческой информации о деятельности корпорации.

В таком случае предоставляемые сведения должны быть описаны именно в контексте правоотношений с конкретным кредитором корпорации, не содержать общего описания последствий реорганизации для экономического положения общества.

Таков предполагаемый минимальный стандарт для информирования участников и кредиторов корпорации при ее реорганизации и ликвидации.

При этом представляется верным синхронизировать процедуру реализации для участников и кредиторов данного стандарта, в том числе путем

¹⁹⁵ См. подробнее выше стр. 107-108 настоящего исследования.

согласования сроков предоставления информации и принятия соответствующих решений, с тем чтобы обе группы имели сопоставимую по времени и содержанию возможность реагирования не совершение предполагаемых процедур; такая синхронизация допустима по крайней мере в форме, в которой это предложил урегулировать профессор А.А. Кузнецов посредством переносе момента информирования кредиторов на более раннюю стадию, до принятия решения общим собранием¹⁹⁶.

В завершение настоящего параграфа и рассмотрения вопросов информации в ее онтологическом проявлении следует обратиться к еще одному измерению поставленной ранее процедурной проблемы¹⁹⁷.

Поскольку информационный обмен выступает структурным элементом всех корпоративного правоотношения и одновременно общей гарантией защиты прав участников и кредиторов, то трансформация информационного обмена в условиях цифровизации экономики, на что было указано ранее¹⁹⁸, не может не повлечь изменения и в самих формах организации коммуникативного обмена в пределах корпоративной структуры: ранее продемонстрировано, как именно развитие средств и форма передачи и валидации актов обмена информацией приводит к изменению в структуре взаимодействий между субъектами¹⁹⁹; в корпоративной структуре данное наблюдение должно приводить к выводу, что информирование участников и кредиторов уже не должно мыслиться исключительно посредством традиционных форм публикации сведений в специализированных изданиях или даже направления письменных индивидуальных уведомлений. В рамках пятой информационная революция есть возможность обеспечить одновременность, аутентичность и транспарентность информационного обмена, что потенциально способно снизить риски информационной

¹⁹⁶ Кузнецов, указ. соч. (докторская диссертация). С. 176.

¹⁹⁷ См. выше стр. 108 настоящего исследования.

¹⁹⁸ См. напр. позиции В.А. Вайпана, И.С. Шиткиной и А.В. Зяблицкого выше на стр. 17-18 настоящего исследования.

¹⁹⁹ См. выше стр. 22-24 настоящего исследования.

асимметрии и тем самым повысить степень гарантированности защиты прав и законных интересов участников и кредиторов корпорации. Например, представляется возможным существование публичной платформы, в рамках которой реализовывалось бы предоставление к сведениям для всех вовлеченных субъектов на основе сформулированного ранее стандарта надлежащего и добросовестного информирования. При этом, например, возможно также аккумулировать сведения о заявленных требованиях о выкупе акций со стороны участников или акселерации долга со стороны кредиторов в реальном времени. Добавление в подобную платформу интеллектуальных средств на основе технологии нейронных сетей может позволять «среднему участнику» гражданского оборота без нужды в обладании специфическим образованием в области экономики, управления или юриспруденции для принятия осознанного решения. Реализация подобных платформ, хотя бы в отношении ПАО на биржах, соответствует духу вышеприведенного стандарта информирования участников и кредиторов корпорации при ее реорганизации и ликвидации для цели защиты их прав и законных интересов.

При моделировании нового корпоративного управления, в том числе в формах близких к ДАО, какие-либо уведомления, обсуждения, голосования и фиксация решения оказывается частями единого технологически-обеспеченного процесса информационной коммуникации, когда состояние осведомленности может быть достигнуто реальным образом, а не только презюмироваться правом.

Таким образом, информационная доктрина, положенная в основу настоящего исследования, получает дополнительное подтверждение своей объяснительной способности, поскольку оказывается, что изменение форм информационного обмена может повлечь за собой трансформацию не только способов управления корпорацией, но и отразиться на способах защиты прав и законных интересов участников и кредиторов корпорации в рамках корпоративных процедур. Само же информирование оказывается не

вспомогательным элементом процедуры, но конституирующем элементов охраны прав и законных интересов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в результате проведенного исследования были решены все поставленные задачи и достигнута цель исследования. Вопрос информирования участников и кредиторов корпорации при ее реорганизации и ликвидации был всесторонне рассмотрен с точки зрения трех значимых проявлений информации в их преломлении в корпоративных правоотношениях и правоотношениях между хозяйственным обществом и ее кредиторами. Выделение таких трех значимых для юриспруденции проявлений информации обосновано в параграфе первом главы первой настоящего исследования. Их значение для защиты прав и законных интересов участников и кредиторов было проанализировано с точки зрения тех проблемных вопросов, которые возникают при реорганизации и ликвидации корпорации в контексте возникающих конфликтов интересов в условиях наличия конфликта интересов на фоне информационной асимметрии; данные вопросы были подробно рассмотрены в главе второй настоящего исследования.

В качестве итоговых выводов относительно каждого из рассмотренных проявлений информации с точки зрения защиты прав и законных интересов участников и кредиторов корпорации при ее реорганизации и ликвидации возможно обратить внимание на следующее:

1. Объектное проявление информации при информировании о реорганизации и ликвидации в действующем российском гражданском законодательстве требует значительного совершенствования в части установления конкретного и реального стандарта надлежащего и добросовестного направления информации участникам корпорации, как в процедурном, так и в содержательном смысле. Также должен быть поставлен вопрос о возможности раскрытия информации о корпорации в определенном объеме и кредиторами корпорации для возможности принять осознанное

решение об акселерации долга. В целом соответствующая информация, с точки зрения выработанного выше очерка стандарта надлежащего и добросовестного информирования, должна соответствовать следующим свойствам, а именно быть: достаточными, адекватными, корректными, понятными среднему участнику оборота и своевременными относительно цели предоставления, а также соответствовать балансу интересов различных групп участников, а также интересов общества и ее кредиторов.

2. Фактологическое проявление информации в отношении информирования о реорганизации состоит в том, что в действующем законодательстве, с точки зрения телеологического его истолкования, возникновение права на акселерацию долга связано именно с фактом опубликование уведомления о реорганизации корпорации, в которой должны содержаться в том числе порядок и условия заявлений требований к корпорации о досрочном исполнении обязательства. Ключевой проблемой принятого регулирования является вопрос определения конкретного способа для направления уведомления о реорганизации; нынешнее требование об опубликовании сообщения в «Вестнике» нельзя признавать в должной мере адекватным способом, особенно учитывая технологические возможности по информационному обмену в условиях пятой информационной революции и процесса цифровизации общества. Аналогичное замечание должно быть сделано в отношении порядка информирования о ликвидации общества, но с уточнением, что такое уведомление не следует рассматривать в качестве юридического факта и, соответственно, фактологического проявления информации.

3. С точки зрения онтологического проявления информации в отношении информирования о реорганизации и ликвидации по итогам рассмотрения преломления информации в отношении проблемных аспектов отдельных категорий способов защиты прав и законных интересов корпорации необходимо заключить, что предоставление надлежащей информации само по себе является необходимой гарантией надлежащей защиты вовлеченных

субъектов, поскольку информационный обмен выступает конституирующим основанием всякого рода общественных отношений и правоотношений. Трансформация информационного обмена позволяет ставить вопрос об изменении привычных форм уведомления при корпоративной структуре для митигации негативных последствия конфликтов интересов на фоне существования информационной асимметрии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативно-правовые акты

1. Конституция Российской Федерации // СПС КонсультантПлюс
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 13.07.2015) // СПС КонсультантПлюс
3. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.09.2025) «Об акционерных обществах» // СПС КонсультантПлюс
4. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СПС КонсультантПлюс
5. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС КонсультантПлюс
6. Федеральный закон от 03.12.2011 № 380-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «О хозяйственных партнерствах» // СПС КонсультантПлюс
7. Федеральный закон «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» от 18 декабря 2006 № 231-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
8. Федеральный закон № 225-ФЗ от 28.06.2021 года «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
9. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» № 287-ФЗ от 08 августа 2024 года // СПС КонсультантПлюс.
10. Федерального закона от 2 декабря 1990 года № 395-1 «О банках и банковской деятельности» // СПС КонсультантПлюс.
11. Федерального закона от 7 мая 1998 года № 75-ФЗ «О негосударственных пенсионных фондах» // СПС КонсультантПлюс.

12. Федерального закона от 14 ноября 2002 года № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» // СПС КонсультантПлюс.
13. Федерального закона от 30 декабря 2004 года № 215-ФЗ «О жилищных накопительных кооперативах» // СПС КонсультантПлюс.
14. Положение Банка России от 16.11.2018 № 660-П «Об общих собраниях акционеров» (зарегистрировано в Минюсте России 09.01.2019 № 53262) // СПС КонсультантПлюс.

Иные акты

15. «Методические рекомендации Банка России по применению основных принципов добросовестного поведения на финансовом рынке» (утв. Банком России 20.01.2025 № 1-МР) // СПС КонсультантПлюс.
16. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и статью 8 Федерального закона «О рынке ценных бумаг» // СОЗД ГАС «Законотворчество».

Судебная практика и позиции высших судов

17. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.02.2004 N 3-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 74 и 77 Федерального закона «Об акционерных обществах», регулирующих порядок консолидации размещенных акций акционерного общества и выкупа дробных акций, в связи с жалобами граждан, компании «Кадет Истеблишмент» и запросом Октябрьского районного суда города Пензы» // СПС КонсультантПлюс.
18. Постановления Пленума от 29.04.2010 Верховного Суда РФ № 10, Пленума Высшего арбитражного суда РФ № 22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с

защитой права собственности и других вещных прав»
// СПС КонсультантПлюс.

19. Постановления Пленума Высшего арбитражного суда РФ от 30.07.2013 года № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица»
// СПС КонсультантПлюс.
20. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»
// СПС КонсультантПлюс.
21. Постановление Пленума Высшего арбитражного суда РФ от 18.11.2003 № 19 (ред. от 16.05.2014) «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об акционерных обществах»
// СПС КонсультантПлюс.
22. Определение Верховного Суда РФ от 27.05.2015 № 310-ЭС14-8980 по делу N А64-6348/2013 // СПС КонсультантПлюс.
23. Решение Арбитражного суда Волгоградской области от 19.01.2017 по делу № А12-66179/2016 // СПС kad.arbitr.ru.

Зарубежные нормативно-правовые акты

24. EU. Directive 2017/1132 of the European Parliament and of the Council of 14 June 2017 relating to certain aspects of company law (codification) // EUR-Lex
25. France. Code de commerce (Commercial Code) // Legifrance.
26. Spain. Ley 3/2009, de 3 de abril, sobre modificaciones estructurales de las sociedades mercantiles // Boletín Oficial del Estado (BOE).
27. USA. Model Business Corporation Act (as of April 25, 2025) // American Bar Association (ABA).

Юридическая литературы на русском языке

а) Монография

28. Алексеев Н.Н. Основы философии права. СПб.: Лань, 1999. 251 с.
29. Габов А.В. Реорганизация и ликвидация юридических лиц: проблем теории и практики. М.: ИНФРА-М, 2015. 203 с.
30. Габов А.В. Теория и практика реорганизации (правовой аспект). Москва: Статут, 2014. 879 с.
31. Дювернуа Н.Л. Из курса лекций по гражданскому праву: введение и часть общая (лица). СПб., Типо-лит. А.Е. Ландау, 1889. 418 с.
32. Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву: из истории цивилистической мысли. гражданское правоотношение. критика теории «хозяйственного права». 4-е изд. М.: Статут, 2020. 782 с.
33. Кельзен Г. Чистое учение о праве / пер. с нем. М.В. Антонова и С.В. Лёзова. СПб.: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2015. 542 с.
34. Козлова Н.В., Филиппова С.Ю. Объекты гражданских прав: основы авторской концепции. М.: Статут, 2025. 184 с.
35. Корпоративное право: актуальные проблемы теории и практики / Бабкин С.А., Бевзенко Р.С., Белов В.А. и др.; под общей редакцией Белова В.А. М.: Юрайт, 2014. 678 с.
36. Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М.: Статут, 2008. 509 с.
37. Объекты гражданских прав: Постатейный комментарий к главам 6, 7 и 8 Гражданского кодекса Российской Федерации / под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2009. 222 с.
38. Осипенко О.В. Корпоративная конфликтология. М.: Статут, 2022. 758 с.

39. Поляков А.В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. СПб.: Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. 863 с.
40. Соломин С.К., Соломина Н.Г. Юридические факты и иные жизненные обстоятельства: цивилистический очерк: монография. М.: Юстицинформ, 2022. 167 с.
41. Суворов Н.С. О юридических лицах по римскому праву. М.: Статут, 2000. 298 с.
42. Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2014. 456 с.
43. Толстой Ю.К. К теории правоотношений. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1959. 87 с.
44. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М.: Юрид. лит., 1974. 351 с.

б) Научные статьи

45. Бачило И.Л. О праве собственности на информацию // Труды Института законодательства и сравнительного правоведения. № 52, 1992. С. 2-33.
46. Беляев Р.В. Ковенанты как механизм управления рисками в кредитных отношениях // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия Менеджмент. С. 91-124.
47. Вайпан В.А. Цифровое право: истоки, понятие и место в правовой системе // Право и экономика. № 1, 2024. С. 5-27.
48. Габов А.В. Обмен долей при реорганизации общества с ограниченной ответственностью в форме присоединения // Закон. 2020. № 3. С. 138-145.
49. Дзыза А.А. Подходы к правовому регулированию и возможные толкования реорганизации юридического лица: опыт России и

Великобритании // Правовой журнал «Президент» (President Law Journal). 2022. № 2. С. 20-30.

50. Зяблицкий А.В. Современные технологии в контексте правового регулирования общих собраний хозяйственных обществ // Современное корпоративное право: времен связующая нить: сборник статей / сост. и отв. ред. д-р юрид. наук, проф. И. С. Шиткина. М., 2024. С. 383-404.
51. Кресс В.В. Информация как объект гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. № 5, 2024. С. 30-40.
52. Кузнецов А.А. Ликвидация хозяйственных обществ: очерк концепции // Вестник гражданского права. № 6, 2025. С. 38-115.
53. Ломакин Д.В. Право акционера на информацию: изменения подхода законодателя // Юридический вестник Самарского университета. № 3. 2018. С. 31-39.
54. Пучков В.О. Информация – объект гражданского права? // Арбитражные споры. № 2, 2020. С. 135-144.
55. Суханов Е.А. Хозяйственное партнерство или инвестиционная коммандита? (размышления над законопроектами) // Суханов Е.А. Проблемы реформирования Гражданского кодекса России: Избранные труды 2008–2012 гг. М., 2013. С. 200-213.
56. Тухватулина А.Г. Информация как объект гражданских прав // Вестник молодых ученых и специалистов Самарского университета. № 2, 2020. С. 31-40.
57. Чупрунов И.С. Влияние ликвидации юридического лица на его обязательства // Вопросы частного права: сборник статей к 50-летию А. А. Павлова / сост. и отв. ред. А. Г. Карапетов, Т. А. Саргсян. М.: М-Логос, 2024. 482 с.
58. Чупрунов И.С. Проблема «потерянных» участников корпорации. Развернутый комментарий к Определениям Судебной коллегии по

экономическим спорам ВС РФ от 15 декабря 2022 года N 304-ЭС22-10636 и от 31 января 2023 года N 305-ЭС22-13675 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. № 5, 2023. С. 4-44.

59. Шиткина И.С., Севеева К.В. Дистанционные общие собрания участников хозяйственных обществ: эффективность новелл российского законодательства // Вестник арбитражной практики. № 3, 2022. С. 3-18.
60. Geis G.S. Information Litigation in Corporate Law // Virginia Law and Economics Research Paper. № 17, 2019. P. 407–451.
61. Wulf A. Kaal. Decentralized Autonomous Organizations – Internal Governance and External Legal Design // University of St. Thomas School of Law (Minnesota) Legal Studies Research Paper Series. № 20-14, 2020. P. 237-307.

в) Диссертация

62. Аиткулов Т.Д. Правовое регулирование слияния и присоединения акционерных обществ по законодательству России и Германии: диссертация на соискание ученой степени к.ю.н. Место защиты: Моск. гос. ин-т междунар. отношений. М., 2001. 193 с.
63. Бакулина Е.В. Совершенствование правового регулирования реорганизации хозяйственных обществ: диссертация на соискание ученой степени к.ю.н. Место защиты: Рос. гос. ин-т интл. собственности Роспатента. М., 2004. 216 с.
64. Галазова З.В. Институт реорганизации юридического лица: диссертация на соискание ученой степени к.ю.н. Место защиты: Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ. М., 2015. 198 с.
65. Гутников О.В. Гражданско-правовая ответственность в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами: диссертация на

соискание ученой степени д.ю.н. Место защиты: Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ. М., 2018. 598 с.

66. Дивер Е.П. Правовое регулирование реорганизации коммерческих организаций: диссертация на соискание ученой степени к.ю.н. Место защиты: Моск. гос. юрид. акад. М., 2002. с. 242.
67. Жданов Д.В. Реорганизация акционерных обществ в Российской Федерации: диссертация на соискание ученой степени к.ю.н. Место защиты: Ин-т государства и права РАН. М., 2001. с. 150.
68. Кошелев Я.С. Гражданско-правовые аспекты реорганизации акционерных обществ: диссертация на соискание ученой степени к.ю.н. Место защиты: Кубан. гос. аграр. ун-т. Краснодар. 2012. с. 224.
69. Кузнецов А.А. Реорганизация хозяйственных обществ: гражданско-правовые способы защиты прав и интересов участников и кредиторов: диссертация на соискание ученой степени д.ю.н. Место защиты: МГУ имени М.В. Ломоносова. М., 2022. с. 345.
70. Филиппова С.Ю. Внутренние правоотношения в хозяйственном обществе: диссертация на соискание ученой степени к.ю.н. Место защиты: Том. гос. ун-т. Томск, 2001. 249 с.
71. Филиппова С.Ю. Юридические действия как юридические факты в российском гражданском праве: диссертация на соискание ученой степени д.ю.н. Место защиты: МГУ имени М.В. Ломоносова. М., 2021. с. 559.

г) Учебные курсы

72. Белов В.А. Гражданское право в 2 т. Том 1. Общая часть: учебник для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2024. 451 с.
73. Белов В.А. Гражданское право: учебник для бакалавров. М. Юрайт, 2012. Т. 2: Общая часть. Лица, блага, факты. 1093 с.

74. Гамбаров Ю.С. Курс гражданского права. Т. 1 Часть общая. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1911. 780 с.
75. Гражданское право: учебник. В 2 т. / Под ред. Б.М. Гонгало. Т. 2. 2-е изд. М.: Статут, 2017. 543 с.
76. Дождев Д.В. Римское частное право. М.: Норма, 2021. 784 с.
77. Инновационная юриспруденция: учебник / отв. ред. В.В. Блажеев, М.В. Мажорина. М.: Проспект, 2025. 912 с.
78. Информационные технологии в юридической деятельности (правовая информатика в цифровую эпоху): учебное пособие / под ред. В.А. Вайпана. М.: Юстицинформ, 2025. Ч. 2. 436 с.
79. Информационные технологии в юридической деятельности: учебник для бакалавров / под. ред. П.У. Кузнецов. М., 2012. 422 с.
80. Корпоративное право: учебный курс: в 6 т. / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. И. С. Шиткина. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2025. Тома: I [522 с.], V [440 с.], VI [698 с.].

Юридическая литературы на иностранных языках

а) Научные статьи

81. Chernykh L. Ultimate Ownership and Control in Russia // Journal of Financial Economics. №. 1 (88), 2008. 169–192 p.
82. Jensen M.C., Meckling W.H. Theory of the Firm: Managerial Behavior, Agency Costs, and Ownership Structure // Journal of Financial Economics. № 3(4), 1976. 305-360 p.
83. Paulus C.G. The Eternal Struggle for Supremacy between Creditor and Debtor // Juridica International. № 31, 2022. 59-67 p.

б) Монографии

84. Bourguet A. Du caractère juridique de la liquidation d'une société commerciale. Paris: Rousseau, 1900. 267 p.

85. Chadeaux M. Les fusions de sociétés: régimes juridique et fiscal. 8e edition. Paris, 2016. 550 p.
86. Eberhard S. La scission de la société anonyme: en droits allemand, américain et suisse. Genève: Librairie Droz, 1999. 360 p.
87. Esteban Ramos L.M. Los acreedores sociales ante los procesos de fusión y escisión de sociedades anónimas: instrumentos de protección. 2 ed. Cezur Menor: Aranzadi, 2017. 468 p.
88. Grundmann S. European Company Law: Organization, Finance and Capital Markets. 2nd ed. Antwerp, 2012. 807 p.
89. Muñoz Martín N. La disolución y el derecho a la cuota de liquidación en la sociedad anónima. Valladolid: Lex Nova, 1991. 455 p.
90. Pardessus J.-M. Cours de droit commercial. T. 2. Bruxelles: A. Stapleaux, 1822. 578 p.
91. The Anatomy of Corporate Law: A Comparative and Functional Approach, 3rd Edition. Oxford University Press, 2017. 273 p.

Междисциплинарные источники на русском и иностранных языках

92. Dawkins R. The Selfish Gene. Oxford: Oxford University Press, 1976.
93. Fang I. A History of Mass Communication: Six Information Revolutions. New York: Routledge, 1977. 288 p.
94. Gaillard M.K., Grannis P.D., Sciulli F.J. The Standard Model of Particle Physics // Reviews of Modern Physics. 1999. № 2 (71). 96-111 p.
95. Вебер М. Основные социологические понятия // Западно-европейская социология XIX-начала XX веком. М.: Издание Международного Университета Бизнеса и Управления, 1996. 455-491 с.
96. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб.: Издательство «Владимир Даль», 2004. 401 с.

97. Кассирер Э. Философия символических форм. Том 1. Язык. М.; СПб.: Ун. книга, 2002. 272 с.